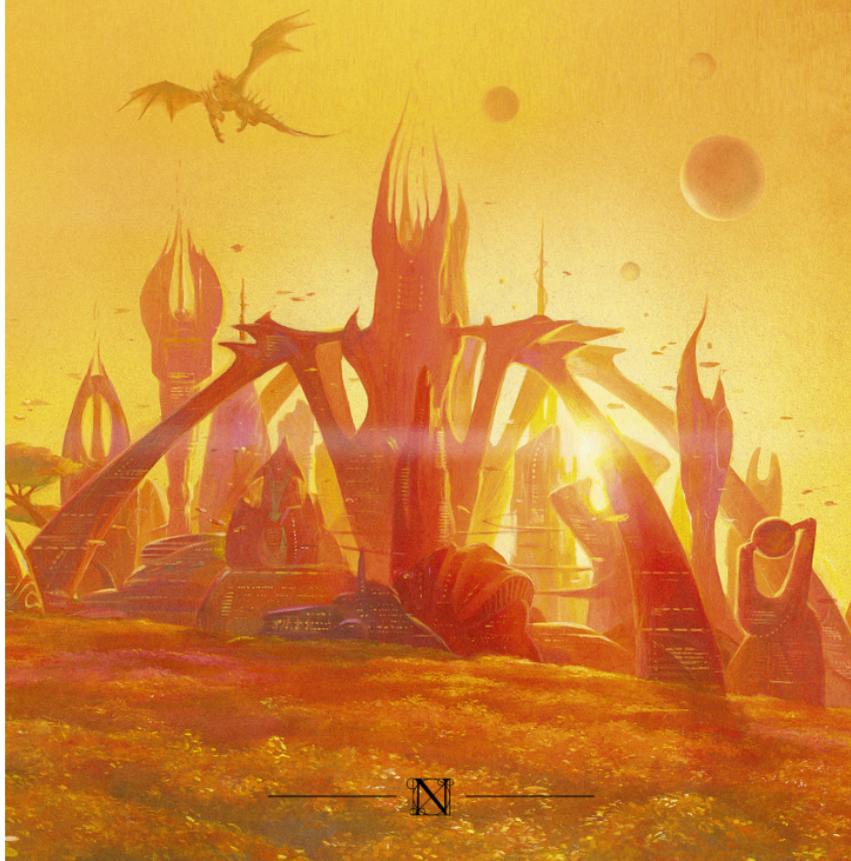

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ДЭВИД ЛИНДСЕЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ К АРКТУРУ

Дэвид Линдсей
Путешествие к Арктуру
Серия «Фантастика:
классика и современность»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44823251

*Путешествие к Арктуру : [роман] / Дэвид Линдсей ; [пер. с англ. К. Егоровой]: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-117565-8*

Аннотация

Дэвид Линдсей (1876–1945) – шотландский писатель-фантаст. Посмертная известность пришла к нему в 1968 году, в связи с переизданием его романа «Путешествие к Арктуру» в культовой серии «Sign of the Unicorn». Сложное, многоплановое произведение, в котором приключения землянина на странной, полной загадок планете сопровождаются изменениями в его мировоззрении и переосмыслением всей его жизни, выдержало испытание временем. Робинзопада одиночки в мире ускользающих смыслов будет интересна как начинающему читателю, так и искушенному ценителю нестандартных сюжетов.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	80
Глава 8	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Дэвид Линдсей

Путешествие к Арктуру

David Lindsay

A VOYAGE TO ARCTURUS

Перевод с английского *К. Егоровой*

© Перевод. К. Егорова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Сеанс

Мартовским вечером, в восемь часов, медиума Бэкхауза, стремительно восходящую звезду мира духов, провели в кабинет в Пролэндзе, хэмпстедской резиденции Монтегю Фаулла. Комнату освещал только пылавший в камине огонь. Хозяин поднялся с места, оглядев посетителя с вялым интересом, и они обменялись традиционными приветствиями. Указав гостю на мягкое кресло возле огня, южноамериканский торговец вновь сел. Зажегся электрический свет. Выразительные, резкие черты хозяина, его похожая на металл кожа и общее настроение скупающего равнодушия не произвели большого впечатления на медиума, который привык смотреть на людей под определенным углом. Бэкхауз, напротив, был торговцу в диковинку. Невозмутимо изучая гостя сквозь полуприкрытые веки и дым сигары, он гадал, как этому маленькому, коренастому человечку с заостренной бородкой удавалось сохранять столь свежий и разумный вид, вопреки ненормальной природе своей профессии.

– Вы курите? – тягуче осведомился Фаулл, чтобы начать беседу. – Нет? В таком случае, быть может, выпьете?

– Спасибо, не сейчас.

Пауза.

– Вы всем удовлетворены? Материализация произойдет?

– Не вижу причин сомневаться в этом.

– Хорошо, я не люблю разочаровывать гостей. Чек на ваше имя лежит в моем кармане.

– Я заберу его после сеанса.

– Я полагаю, мероприятие назначено на девять?

– Думаю, что так.

Разговор не клеился. Распростертый в кресле Фаулл сохранил равнодушие.

– Вас интересуют приготовления, которые я сделал?

– Не думаю, что в них есть нужда, не считая кресел для гостей.

– Я имею в виду убранство комнаты для сеанса, музыку и тому подобное.

Бэкхауз пристально посмотрел на хозяина:

– Но это не театральное представление.

– Совершенно верно. Видимо, я должен объяснить... Среди гостей будут дамы, а они, как вам известно, склонны к эстетике.

– В таком случае у меня нет возражений. Надеюсь только, что им понравится спектакль, – весьма сухо ответил медиум.

– Значит, все в порядке, – сказал Фаулл. Стряхнув пепел с сигары в огонь, он поднялся и налил себе виски. – Хотите взглянуть на комнату?

– Спасибо, нет. Предпочитаю ничего не видеть, пока не придет время.

– Тогда давайте навестим в гостиной мою сестру, миссис Джеймсон. Иногда она любезно берет на себя обязанности хозяйки, ведь сам я не женат.

– Почту за честь, – холодно произнес медиум.

Дама сидела в задумчивом одиночестве перед открытым фортепьяно. Она играла Скрябина, и ее захлестнули чувства. Окинув взглядом миниатюрные, строгие, аристократичные черты и напоминавшие фарфор руки, медиум подивился, откуда у Фаулла взялась такая сестра. Она смело приветствовала его, лишь с тенью тихого волнения. Он привык к подобному отношению прекрасного пола и хорошо знал, чем ответить.

– Должна признать, что больше всего меня поражает, – тихо произнесла она после десяти минут любезной беседы ни о чем, – не сама материализация – хотя, разумеется, это будет чудесно, – а ваша убежденность в том, что она произойдет. Поведайте мне о причинах вашей уверенности.

– Я сплю с открытыми глазами, – сказал он, кинув взгляд на дверь, – и другие видят мои сны. Вот и все.

– Но это прекрасно, – откликнулась миссис Джеймсон. Ее улыбка была весьма рассеянной, потому что прибыл первый гость.

Это был Кент-Смит, бывший магистрат, известный своим колким судейским юмором, от которого он, впрочем, рассудительно воздерживался в личной жизни. Хотя ему давно перевалило за семьдесят, его глаза были обескураживающе

яркими. Со стариковской прозорливостью он тут же устроился в самом удобном из многочисленных удобных кресел.

– Итак, сегодня мы увидим чудеса?

– Свежий материал для вашей автобиографии, – заметил Фаулл.

– О, не будем упоминать мою несчастную книжицу. Старый народный слуга всего лишь развлекается на пенсии, мистер Бэкхауз. У вас нет причин тревожиться – я окончил школу конфиденциальности.

– Я не тревожусь. Вы можете публиковать все, что пожелаете.

– Вы очень любезны, – ответил старик с лукавой улыбкой.

– Трент сегодня не придет, – сообщила миссис Джеймсон, с любопытством покосившись на брата.

– Я его и не ждал. Это не его область.

– Понимаете, мы все обязаны миссис Трент, – сказала она, обращаясь к бывшему магистрату. – Она чудесно украсила старый салон наверху и договорилась об услугах очаровательного маленького оркестра.

– Но это римская роскошь.

– Бэкхауз считает, что к духам следует относиться с большим почтением, – усмехнулся Фаулл.

– Но, мистер Бэкхауз, поэтическая обстановка, без сомнения...

– Прошу меня извинить. Я человек простой и всегда отдаю предпочтение элементарной непритязательности. Не

стану возражать, но свое мнение выскажу. Природа – это одно, искусство – совсем другое.

– Не могу сказать, что я с вами не согласен, – заметил магистрат. – Подобное событие должно быть простым, чтобы уберечь нас от опасности заблуждения. Простите мою прямоту, мистер Бэкхауз.

– Мы будем сидеть при полном освещении, – ответил Бэкхауз, – и каждый получит возможность осмотреть комнату. Я также попрошу вас досмотреть меня самого.

Повисло весьма неловкое молчание. Его нарушили еще два гостя, прибывшие вместе. Прайор, успешный поставщик кофе из Сити, и Лэнг, биржевой маклер, известный в своих кругах как фокусник-любитель. Последнего Бэкхауз немного знал. Прайор, наполнивший комнату слабым ароматом вина и табачного дыма, попытался привнести в атмосферу шуточные нотки, но, не найдя отклика, вскоре умолк и принялся изучать акварели на стенах. Лэнг, высокий, худой, лысеющий мужчина, мало говорил, но постоянно бросал взгляды на Бэкхауза.

Подали кофе, ликеры и сигареты. Угостились все, за исключением Лэнга и медиума. Тут сообщили о прибытии профессора Халберта. Он был видным психологом, автором и лектором, специализировавшимся по ментальным аспектам преступлений, безумия, гениальности и тому подобных вещей. Его присутствие на подобном собрании немного озадачило других гостей, но всем показалось, будто цель их встре-

чи мгновенно обрела серьезность. Профессор был щуплым и чахлым, мягким в общении и, вероятно, самым упрямым человеком во всей разношерстной компании. Не обращая внимания на медиума, он тут же уселся возле Кент-Смита и погрузился в беседу с ним.

На несколько минут позже означенного часа вошла без объявления миссис Трент, женщина лет двадцати восьми. У нее было бледное, серьезное лицо, как у святой, гладкие черные волосы и полные алые губы, словно налитые кровью. Ее высокое, грациозное тело было облачено в дорогой наряд. Миссис Трент обменялась поцелуями с миссис Джеймсон, поклонилась прочим гостям и с улыбкой покосилась на Фаулла. Тот одарил ее загадочным взглядом, и Бэкхауз, который ничего не упускал, заметил скрытого варвара в самодовольном блеске глаз хозяина. Миссис Трент отказалась от угощения, и Фаулл предложил, раз все собрались, отправиться в салон.

Миссис Трент подняла изящную ладонь.

– Вы дали мне карт-бланш или нет, Монтегию?

– Разумеется, дал, – со смехом ответил Фаулл. – Но в чем дело?

– Быть может, я была слишком самонадеянна. Даже не знаю. Я пригласила двух друзей присоединиться к нам. Нет, вы их не знаете... Две самые выдающиеся личности, что вы когда-либо видели. И к тому же медиумы, вне всяких сомнений.

– Звучит очень загадочно. Кто же эти заговорщики?

– Хотя бы скажите нам их имена, невозможная девица, – добавила миссис Джеймсон.

– Один носит имя Маскалл, а другой – Найтспор. Больше я о них почти ничего не знаю, так что не обрушивайте на меня вопросы.

– Но где вы их встретили? Ведь где-то же вы должны были с ними повстречаться.

– Это перекрестный допрос. Разве я нарушила условности? Клянусь, что ни слова не скажу вам о них. Они явятся сюда, и я оставлю их на вашу милость.

– Я с ними не знаком, – сказал Фаулл, – равно как и, судя по всему, все прочие, но, разумеется, мы с радостью их примем... Нам следует подождать?

– Я назвала девять часов, и это время уже миновало. Вполне возможно, они не придут... Как бы там ни было, не нужно ждать.

– Я бы предпочел начать немедленно, – заметил Бэкхауз.

Салон, просторный зал длиной сорок и шириной двадцать футов, был по случаю сеанса разделен на две равные части тяжелым парчовым занавесом, натянутым посередине и скрывавшим дальний конец комнаты. Ближняя половина была превращена в зрительный зал с расставленными полу-месяцем креслами. Другой мебели не было. Между креслами и дверью, в середине стены, пылал камин. Комнату ярко освещали электрические бра. На полу лежал дорогой ковер.

Рассадив гостей, Фаулл подошел к занавесу и отдернул его, открыв почти точную копию сцены в храме из «Волшебной флейты» в постановке Друри-Лейн: мрачная, массивная архитектура интерьера, пылающее вдалеке небо, а на его фоне – силуэт огромной статуи сидящего фараона. Перед пьедесталом статуи красовалась деревянная кушетка, украшенная причудливой резьбой. Рядом с занавесом, под углом к зрителям, стояло простое дубовое кресло для медиума.

Многие из собравшихся в глубине души сочли обстановку неподобающей случаю, со скверным душком похвальбы. Особенно смутился Бэкхауз. Однако привычные комплименты обрушились на миссис Трент, устроителя столь примечательного театра. Фаулл предложил друзьям подойти ближе и изучить помещение со всей возможной тщательностью. Его приглашение приняли только Прайор и Лэнг. Первый принялся бродить среди картонных декораций, нависывая себе под нос и время от времени постукивая по предметам костяшками пальцев. Оказавшийся в своей стихии Лэнг, не обращая внимания на других гостей, провел дотошный, систематический обыск на предмет скрытой аппаратуры. Фаулл и миссис Трент стояли в углу храма и тихо разговаривали, в то время как миссис Джеймсон, делая вид, будто поддерживает беседу с Бэкхаузом, следила за ними, как умеют следить только глубоко заинтересованные женщины.

К своему разочарованию, Лэнг не нашел ничего подозри-

тельного, и медиум попросил, чтобы его одежду тоже осмотрели.

– Все эти предосторожности излишни и не имеют отношения к делу, как вы незамедлительно увидите. Однако моя репутация требует лишить отсутствующих здесь людей возможности впоследствии говорить, будто я прибег к обману.

Неблагодарная задача осмотра карманов и рукавов снова выпала Лэнгу. Несколько минут спустя он выразил удовлетворенность тем, что у Бэкхауза нет никаких механических приспособлений. Гости вновь расселись. Фаулл приказал принести еще два кресла для друзей миссис Трент, которые, однако, до сих пор не прибыли. Затем хозяин нажал кнопку электрического звонка и уселся сам.

Это был сигнал: заиграл скрытый оркестр. Изумленный шепот пробежал среди гостей, когда без предупреждения в воздухе поплыли дивные, мрачные ноты «храмовой» музыки Моцарта. Предвкушение собравшихся нарастало, и, несмотря на бледность и спокойствие миссис Трент, было видно, что та глубоко тронута. В эстетическом смысле она была самой важной гостьей. Фаулл наблюдал за ней, привычно раскинувшись в кресле, опустив голову на грудь.

Бэкхауз поднялся, положил руку на спинку кресла и заговорил. Музыка мгновенно стихла до пианиссимо и оставалась такой, пока он стоял.

– Дамы и господа, вам предстоит стать свидетелями материализации. Это означает, что вы увидите появление то-

го, чего раньше здесь не было. Сначала форма будет туманной, но в конце концов станет плотным телом, к которому каждый из вас сможет прикоснуться – и которому сможет, например, пожать руку, ведь тело это будет человеческим. Это будет настоящий мужчина или женщина – кто именно, я сказать не берусь, – но мужчина или женщина без известного прошлого. Однако если вы потребуете у меня объяснения происхождения материализовавшегося тела – откуда оно взялось, где берутся атомы и молекулы, составляющие его ткани, – я не смогу удовлетворить ваше любопытство. Я лишь демонстрирую феномен; буду чрезвычайно благодарен, если кто-то впоследствии сможет его мне истолковать... На этом все.

Он снова сел вполоборота к собравшимся и мгновение помедлил, прежде чем перейти к делу.

В эту минуту слуга открыл дверь и приглушенным, но четким голосом объявил:

– Мистер Маскалл, мистер Нйтспор.

Все обернулись. Фаулл поднялся, чтобы приветствовать опоздавших гостей. Бэкхауз тоже встал и пристально посмотрел на них.

Двое незнакомцев не отходили от двери, тихо закрывшейся за ними, словно ожидали, пока утихнет легкое волнение, вызванное их прибытием. Маскалл напоминал гиганта, но более широкоплечего и крепкого, чем большинство. У него была густая борода. Черты лица казались топорными и тя-

желыми, грубыми, словно вырезанными из дерева, но в его маленьких черных глазах сверкали искры ума и отваги. Короткие черные волосы щетинились. Найтспор был среднего роста, однако выглядел таким жестким, словно изжил в себе все людские слабости и эмоции. Его безволосое лицо выражало сильный духовный голод, взгляд был диким и отстраненным. Оба мужчины были одеты в твидовые костюмы.

Прежде чем кто-либо успел заговорить, ужасный грохот падающих кирпичей заставил собравшихся в страхе вскочить с кресел. Казалось, будто рухнул весь верхний этаж здания. Фаулл кинулся к двери и позвал слугу, чтобы узнать, что происходит. Ему пришлось спросить дважды, прежде чем слуга понял вопрос и ответил, что ничего не слышал. Повинуясь приказу хозяина, он отправился наверх. Однако там царил полный порядок, и никто из горничных тоже ничего не слышал.

Тем временем Бэкхауз, который почти единственный из всех собравшихся сохранил хладнокровие, подошел прямо к Найтспору. Тот стоял и грыз ногти.

– Возможно, вы сможете объяснить причину этого, сэр?

– Она сверхъестественная, – ответил Найтспор хриплым, приглушенным голосом, отворачиваясь от Бэкхауза.

– Я так и думал. Это знакомый феномен, но я никогда не сталкивался со столь громким.

Он направился к гостям, чтобы их успокоить. Они постепенно затихли, однако было очевидно, что их прежний лег-

комысленный, насмешливый интерес к происходящему сменился бдительной настороженностью. Маскалл и Найтспор заняли свои места. Миссис Трент то и дело встревоженно поглядывала на них. На протяжении всего инцидента продолжал звучать гимн Моцарта. Оркестр тоже ничего не слышал.

Бэкхауз приступил к делу. Оно становилось для него привычным, и он не тревожился об исходе. На материализацию нельзя было воздействовать простым сосредоточением воли или какой-либо способности, иначе многие люди могли бы делать то, что умел он. Его природа была исключительной: в пограничной стене между ним и миром духов зияли многочисленные дыры. Сквозь эти пробоины в его сознании обитатели невидимой сферы по его зову на мгновение робко, опасливо проходили в материальную, цветную вселенную... Он не знал, как это происходит... Переживание было трудным для тела, и многие подобные попытки могли привести к безумию и быстрой смерти. Вот почему Бэкхауз вел себя сурово и резко. Грубая, неуклюжая подозрительность некоторых свидетелей, равно как и фривольное эстетство других, были в равной степени оскорбительны для его мрачного, надорванного сердца. Однако он должен был жить и, дабы оплачивать свое существование, мириться с подобным нахальством.

Он сел лицом к деревянной кушетке. Его глаза были открыты, но словно смотрели внутрь. Щеки побледнели, и он как будто похудел. Зрители затаили дыхание. Самые

чувствительные начали ощущать – или воображать – присутствие странных существ. Глаза Маскалла блестели от предвкушения, брови прыгали вверх-вниз, однако Найтспор выглядел скучающим.

Десять долгих минут спустя пьедестал статуи стал немного размытым, будто с земли начал подниматься туман, который постепенно сгустился в облако, извивавшееся и постоянно менявшее очертания. Профессор полупривстал, одной рукой придерживая на переносице очки.

Облако медленно приобрело размеры и форму взрослого человека, по-прежнему оставаясь смутным и размытым, паря в фуते над кушеткой. Бэкхауз выглядел изможденным и мертвенно-бледным. Миссис Джеймсон тихо лишилась чувств на своем кресле, но на нее никто не обратил внимания, и она вскоре ожила. Видение опустилось на кушетку и в тот же миг внезапно потемнело, стало плотным и похожим на человека. Многие гости бледностью могли соперничать с медиумом, однако Фаулл сохранил стоическую апатию и бросил несколько взглядов на миссис Трент. Та не отрывала глаз от кушетки и крутила в пальцах кружевной платочек. Музыка продолжала играть.

К этому времени фигура окончательно приняла очертания лежащего человека. Проявилось лицо. Тело было укутано чем-то вроде савана, но черты были юными. Гладкая рука свисала, почти касаясь пола, белая и неподвижная. Слабые духом смотрели на видение с тошнотворным ужасом; про-

чие были серьезны и ошеломлены. Призрак был мертв, но смерть эта казалась не той, что следует за жизнью, а той, что ей предшествует. Все чувствовали, что человек вот-вот сядет.

– Остановите эту музыку! – пробормотал Бэкхауз, с трудом выбираясь из кресла и поворачиваясь к зрителям. Фаулл коснулся звонка. Еще несколько тактов – и воцарилась полная тишина.

– Все желающие могут подойти к кушетке, – с усилием выговорил Бэкхауз.

Лэнг тут же последовал его совету и потрясенно замер рядом с призрачным юношей.

– Можете коснуться его, – сказал медиум.

Однако Лэнг не осмелился. Не осмеливались сделать это и другие, по одному прокрававшиеся к кушетке, пока не пришла очередь Фаулла. Тот посмотрел прямо на миссис Трент, которая, казалось, испытывала ужас и отвращение от представшего перед ней зрелища, после чего не только коснулся призрака, но и внезапно схватил свисавшую руку и крепко ее пожал. Миссис Трент тихо вскрикнула. Призрачный гость открыл глаза, одарил Фаулла странным взглядом и сел. Его рот скривился в загадочной улыбке. Фаулл посмотрел на свою ладонь; по его телу пронеслось чувство глубокого наслаждения.

Маскалл подхватил миссис Джеймсон – та снова лишилась чувств. Миссис Трент подбежала к ней и вывела ее из

комнаты. Они не вернулись.

Призрачное тело поднялось, оглядываясь, продолжая таинственно улыбаться. Прайор внезапно ощутил дурноту и вышел. Прочие мужчины сбились в кучку, желая чувствовать рядом человеческое общество, за исключением Найтспора, который расхаживал по комнате, словно испытывал усталость и нетерпение, в то время как Маскалл попытался расспросить юношу. Призрак смотрел на него с загадочным выражением, но не отвечал. Бэкхауз сидел в стороне, закрыв лицо ладонями.

В этот миг дверь распахнулась, и незнакомец без объявления наполовину прыгнул, наполовину вошел в комнату, преодолел несколько ярдов и остановился. Никто из друзей Фаулла никогда прежде его не видел. Это был коренастый, приземистый мужчина с выдающейся мускулатурой и непропорционально крупной головой. Казалось, что на его безбородом желтом лице прозорливость соседствовала с жестокостью и юмором.

– Ага, джентльмены! – громко воскликнул он пронзительным, странно неприятным голосом. – Значит, кое-кто заглянул к нам в гости.

Найтспор повернулся к нему спиной, однако все остальные изумленно уставились на чужака. Тот сделал еще несколько шагов и оказался на краю театра.

– Могу ли я узнать, сэръ, каким образом мне выпала честь принимать вас у себя? – угрюмо осведомился Фаулл. Вечер

шел вовсе не так гладко, как он рассчитывал.

Секунду пришелец смотрел на него, затем разразился оглушительным, ревушим смехом. Игриво хлопнул Фаулла по спине, но игривость оказалась весьма грубой, и жертва, спотыкаясь, отлетела к стене, где наконец смогла восстановить равновесие.

– Вечер добрый, хозяин!

– И тебе добрый вечер, приятель! – обратился он к призрачному юноше, который принялся блуждать по комнате, очевидно, не замечая происходящего. – Думаю, я уже встречал кое-кого, очень похожего на тебя.

Ответа не последовало.

Чужак приблизил голову к лицу фантома.

– Сам знаешь, что не имеешь права здесь находиться.

Призрак взглянул на него с многозначительной улыбкой, смысла которой, однако, никто не понял.

– Будьте осмотрительны в своих поступках, – быстро сказал Бэкхауз.

– В чем дело, проводник духов?

– Не знаю, кто вы такой, но если примените по отношению к нему физическую силу, как вы, очевидно, собираетесь поступить, последствия могут оказаться чрезвычайно неприятными.

– А без приятностей наш вечер будет испорчен, да, мой маленький торгаш?

Насмешливость покинула его лицо, словно солнце – пей-

аж, оставив жесткость и суровость. Прежде чем кто-либо успел осознать его намерения, он обхватил мягкую белую шею материализовавшейся фигуры волосатыми руками и скрутил ее. Раздался слабый, призрачный крик, и тело рухнуло на пол, лицом вверх. Потрясенные гости увидели, что таинственная, но завораживающая улыбка сменилась вульгарным, омерзительным, звериным оскалом, бросившим ледяную тень моральной ущербности на каждое сердце. Превращение сопровождалось тошнотворным кладбищенским зловонием.

Черты лица быстро поблекли, тело утратило плотность, став размытым, и не прошло и двух минут, как призрачная фигура полностью исчезла.

Приземистый незнакомец повернулся к собравшимся и разразился протяжным, громким, жутким смехом.

Профессор возбужденно беседовал с Кент-Смитом на пониженных тонах. Фаулл поманил медиума за декорации и молча вручил ему чек. Бэкхауз положил его в карман, застегнул пальто и вышел из комнаты. Лэнг последовал за ним, чтобы налить себе выпить.

Пришелец устоял на Маскалла.

– Ну, великан, что ты об этом думаешь? Хочешь повидать земли, где подобные фрукты растут сами по себе?

– Какие фрукты?

– Гоблины.

Маскалл отмахнулся огромной рукой.

– Кто вы такой и как сюда попали?

– Позови своего приятеля. Быть может, он меня узнает.

Найтспор передвинул кресло к огню и сосредоточенно, фанатично смотрел на угли.

– Пусть Крэг сам подойдет ко мне, если пожелает, – произнес он своим странным голосом.

– Вот видишь, он меня узнал, – насмешливо сказал Крэг. Подошел к Найтспор и положил ладонь на спинку его кресла.

– Все тот же старый ненасытный голод?

– Что подельываешь? – презрительно осведомился Найтспор, не меняя позы.

– Суртур ушел, и мы вскоре последуем за ним.

– Откуда вы двое знаете друг друга и о ком говорите? – спросил Маскалл, озадаченно переводя взгляд с одного на другого.

– У Крэга есть кое-что для нас. Давайте выйдем, – ответил Найтспор. Он встал и оглянулся. Проследив за его взглядом, Маскалл увидел, что оставшиеся мужчины внимательно наблюдают за ними.

Глава 2

На улице

Трое мужчин вышли на улицу перед домом. Ночь выдалась немного морозная, но ясная; дул восточный ветер. Мириады пылающих звезд превратили небо в огромный свиток с иероглифами. Маскалл ощущал странное возбуждение, словно вот-вот должно было произойти нечто удивительное.

– Что привело вас сегодня в этот дом, Крэг, и почему вы сделали то, что сделали? Что нам думать о том призраке?

– Очевидно, у него было лицо Кристалмена, – пробормотал Найтспор.

– Мы это обсуждали, верно, Маскалл? Маскаллу не терпится лицезреть сей редкий фрукт в природе.

Маскалл внимательно посмотрел на Крэга, пытаясь проанализировать свои чувства к этому человеку. Он испытывал неприязнь, однако наряду с ней в его сердце пылала дикая, необузданная энергия, неким образом связанная с Крэгом.

– Почему вы постоянно используете это сравнение? – поинтересовался Маскалл.

– Потому что оно уместно. Найтспор прав. Это было лицо Кристалмена, и мы отправляемся в страну Кристалмена.

– И где же находится эта загадочная страна?

– На Тормансе.

– Странное название. Но где это?

Крэг ухмыльнулся, и его желтые зубы сверкнули в свете фонаря.

– Это жилой квартал Арктура.

– О чем он толкует, Найтспор?.. Вы имеете в виду звезду Арктур? – спросил Маскалл Крэга.

– Которая в настоящий момент прямо перед тобой, – ответил Крэг, ткнув толстым пальцем в самую яркую звезду на юго-востоке. – Это Арктур, а Торманс – его единственная обитаемая планета.

Маскалл посмотрел на крупную пылающую звезду, потом вновь на Крэга. Достал трубку и принялся набивать ее.

– Очевидно, вы развили новую форму юмора, Крэг.

– Рад позабавить тебя, Маскалл, пусть и всего несколько дней.

– Хотел спросить, откуда вам известно мое имя?

– Странно было бы его не знать, ведь я пришел сюда ради тебя. Вообще-то мы с Найтспором старые друзья.

Маскалл замер со спичкой в руке.

– Вы пришли ради меня?

– Разумеется. Ради тебя и Найтспора. Нам троим предстоит путешествие.

Маскалл зажег трубку и несколько раз хладнокровно затянулся.

– Простите, Крэг, но, судя по всему, вы безумны.

Крэг запрокинул голову и хрипло расхохотался.

– Я безумен, Найтспор?

– Суртур отправился на Торманс? – спросил Найтспор придушенным голосом, не отрывая глаз от лица Крэга.

– Да, и он требует, чтобы мы незамедлительно последовали за ним.

Сердце Маскалла забилося как-то странно. Это напоминало разговор во сне.

– И с каких это пор, Крэг, мне отдает приказы незнакомец... кстати, кто он такой?

– Начальник Крэга, – сказал Найтспор, отворачиваясь.

– Эта загадка слишком сложна для меня. Я сдаюсь.

– Ты ищешь тайны, – ответил Крэг, – и потому находишь их. Попробуй мыслить проще, друг мой. Дело ясное и серьезное.

Маскалл пристально посмотрел на него, пыхтя трубкой.

– Откуда ты взялся? – неожиданно спросил Найтспор.

– Из старой обсерватории в Старкнесе... Ты слышал о знаменитой Старкнесской обсерватории, Маскалл?

– Нет. Где это?

– На северо-восточном побережье Шотландии. Время от времени там делают любопытные открытия.

– Например, как путешествовать к звездам. Значит, этот Суртур – астроном. И вы, надо полагать, тоже?

Крэг вновь ухмыльнулся.

– Сколько времени тебе нужно, чтобы разобраться с делами? Когда ты сможешь отправиться?

– Вы очень заботливы, – усмехнулся Маскалл. – Я уж начал опасаться, что меня похитят немедленно... Впрочем, у меня нет ни жены, ни земли, ни профессии, а потому и разбираться не с чем... Каков маршрут?

– Ты счастливчик. Отважное, бесстрашное сердце – и никаких обуз. – Внезапно лицо Крэга стало серьезным и суровым. – Не будь дураком, не отказывайся от дара удачи. Второй раз тебе его не предложат.

– Крэг, – бесхитростно ответил Маскалл, убирая трубку в карман. – Поставьте себя на мое место. Даже мечтай я о приключениях, как всерьез отнестись к столь безумной идее? Что я знаю о вас и вашем прошлом? Быть может, вы любите розыгрыши, а может, сбежали из сумасшедшего дома – мне ничего о вас не известно. Раз вы объявляете себя исключительной личностью и хотите моего содействия, так представьте исключительные доказательства.

– И какие доказательства ты сочтешь приемлемыми, Маскалл?

С этими словами он схватил Маскалла за руку. Резкая, леденящая боль пронзила тело последнего, в то время как его мозг полыхнул огнем. Свет обрушился на него, словно восход солнца. И он впервые засомневался, не касается ли этот фантастический разговор реальных вещей.

– Послушайте, Крэг, – медленно произнес он. Станные картины и понятия беспорядочно проносились сквозь его разум. – Вы говорите о некоем путешествии. Что ж, если та-

кое путешествие возможно и мне выпал шанс его совершить, я бы не захотел возвращаться. Я отдал бы жизнь за двадцать четыре часа на той арктурианской планете. Вот что я думаю насчет этого путешествия... А теперь докажите серьезность своих слов. Предъявите аккредитацию.

Пока он говорил, Крэг не отрывал от него глаз, и на его лицо постепенно возвращалось насмешливое выражение.

– О, ты получишь свои двадцать четыре часа, а может, и больше, но ненамного. Ты храбрец, Маскалл, однако это путешествие даже тебе покажется трудноватым... Итак, подобно скептикам древности, ты ждешь знака свыше?

Маскалл нахмурился.

– Но это нелепо. Наш разум перевозбужден из-за вечерних событий. Давайте отправимся по домам. Утро вечера мудренее.

Крэг удержал его одной рукой, а другую сунул в нагрудный карман, откуда извлек нечто вроде маленькой складной лупы. Диаметр стекла не превышал двух дюймов.

– Сперва взгляни сквозь это на Арктур, Маскалл. Быть может, это сгодится в качестве знака свыше. Увы, ничего лучше я предложить не могу. Я не странствующий фокусник... Аккуратней, не урони. Она несколько тяжеловата.

Маскалл взял линзу, с трудом удержал ее и удивленно посмотрел на Крэга. Маленький предмет весил не меньше двадцати фунтов, хотя размерами едва превышал крону.

– Что это за штука, Крэг?

– Загляни в нее, друг мой. За этим я ее тебе и дал.

Маскалл с усилием поднял лупу, навел на сверкающий Арктур и смотрел на звезду так долго, как позволили мускулы руки. Увидел он следующее. Звезда, казавшаяся невооруженному глазу одинокой желтой светящейся точкой, разделилась на два ярких крошечных солнца, большее из которых осталось желтым, в то время как его меньший компаньон приобрел изумительный голубой цвет. Но это было еще не все. Судя по всему, вокруг желтого солнца вращался сравнительно маленький, едва различимый спутник, сиявший не собственным, а отраженным светом... Маскалл несколько раз опустил и поднял руку. Зрелище повторилось, однако ничего нового он не увидел. Затем он молча вернул лупу Крэгу и замер, кусая нижнюю губу.

– Ты тоже взгляни, – проскрипел Крэг, протягивая лупу Найтспору.

Тот повернулся к нему спиной и принялся расхаживать взад-вперед. Крэг сардонически усмехнулся и спрятал лупу в карман.

– Ну что, Маскалл, убедился?

– Значит, Арктур – двойная звезда. А третья крошечная точка – планета Торманс?

– Наш будущий дом, Маскалл.

Маскалл продолжал размышлять.

– Вы спрашиваете, убедился ли я. Сам не знаю, Крэг. Это удивительно, и больше мне добавить нечего... Однако кое в

чем я убедился. Очевидно, в Старкнесе замечательные астрономы, и если вы пригласите меня в свою обсерваторию, я обязательно приеду.

– Приглашаю. Мы оттуда отправляемся.

– А ты, Найтспор? – спросил Маскалл.

– Путешествие нужно совершить, – ответил его друг невнятным голосом, – хотя я не знаю, чем оно кончится.

Крэг пытливо посмотрел на него.

– Чтобы впечатлить Найтспора, придется организовать более выдающиеся приключения.

– Однако он едет.

– Но без охоты. Едет лишь для того, чтобы составить тебе компанию.

Маскалл вновь нашел массивную, безрадостную звезду, сиявшую в своем одиноком могуществе на юго-востоке небосклона, и при виде нее сердце его переполнилось великим болезненным томлением, объяснить которое он был не в силах. Он ощущал, что судьба его неким образом связана с этим далеким огромным солнцем. И все же не решался признать серьезность Крэга.

Погрузившись в мысли, он едва услышал его прощальные слова и лишь по прошествии нескольких минут, оставшись наедине с Найтспором, осознал, что слова эти касались таких обыденных вопросов, как маршруты и расписания поездов.

– Значит, Крэг отправится с нами на север, Найтспор? Я этого не понял.

– Нет. Мы поедем первыми, а он присоединится к нам в Старкнессе послезавтра вечером.

Маскалл продолжал размышлять.

– Что мне думать об этом человеке?

– К твоему сведению, – устало ответил Найтспор, – мне он никогда не лгал.

Глава 3

Старкнесс

Пару дней спустя, в два часа пополудни, Маскалл и Найтс-пор прибыли в Старкнесскую обсерваторию, преодолев пешком семь миль от станции Хэйллер. Дорога, заброшенная и пустынная, большую часть пути шла по краю весьма высоких скал, с которых открывался вид на Северное море. Светило солнце, но дул порывистый ветер, и соленый воздух был холодным. На темно-зеленых волнах кипели белые пятна пены. Всю дорогу путников сопровождали прекрасные, горестные крики чаек.

Обсерватория оказалась небольшим замкнутым сообществом, обосновавшимся без соседей на самом краю земли. Она состояла из трех зданий: небольшого каменного жилого дома, приземистой мастерской и, в двухстах ярдах к северу, квадратной гранитной башни высотой семьдесят футов.

Жилой дом и мастерскую разделял заваленный хламом открытый двор. Их окружала общая каменная стена, со всех сторон, кроме выходившей к морю, где стена дома являлась продолжением скалы. Людей не было. Все окна были закрыты, и Маскалл мог поклясться, что обсерватория заперта и покинута.

Он первым вошел в распахнутые ворота и громко посту-

чал в парадную дверь. Дверной молоток был покрыт густым слоем пыли – очевидно, им давно не пользовались. Маскалл прижался ухом к двери, но не услышал за ней никакого движения. Дернул за ручку: дверь была заперта.

Они обошли дом в поисках другого входа, но дверь оказалась только одна.

– Выглядит не слишком многообещающе, – проворчал Маскалл. – Здесь никого нет... Загляни в сарай, а я проверю башню.

Найтспор, который с тех пор, как они сошли с поезда, не произнес и полудюжины слов, молча повиновался и зашагал через двор. Маскалл вышел за ворота. Добравшись до подножия башни, стоявшей в некотором отдалении от скалы, он обнаружил на двери тяжелый висячий замок. Подняв голову, Маскалл увидел шесть окон, располагавшихся через равные промежутки одно над другим и выходивших на море. Осознав, что здесь ничего не добьешься, он вернулся назад, еще более сердитый, чем прежде, и, присоединившись к Найтспор, узнал, что мастерская также заперта.

– Так получили мы приглашение или нет? – с чувством рявкнул Маскалл.

– Дом пуст, – ответил Найтспор, кусая ногти. – Лучше выбить окно.

– Я определенно не собираюсь ночевать под открытым небом, пока Крэг не соизволит явиться.

Он подобрал во дворе старый железный болт и, отойдя на

безопасное расстояние, швырнул его в подъемное окно на первом этаже. Нижнее стекло рассыпалось. Аккуратно, чтобы не коснуться осколков, Маскалл просунул руку в отверстие и открыл задвижку. Минуту спустя они уже стояли в доме.

Оказавшаяся кухней комната была неопишимо грязной и запущенной. Мебель разваливалась на глазах, сломанная кухонная утварь и мусор валялись на полу, а не в мусорной яме, все покрывал толстый слой пыли. Атмосфера была такой спертой, будто, согласно предположению Маскалла, сюда несколько месяцев не поступал свежий воздух. По стенам ползали насекомые.

Они прошли другие комнаты на нижнем этаже – судомойню, скудно обставленную столовую и чулан для хранения пиломатериалов. Везде их встречали затхлость, грязь и запустение. Не менее полугода минуло с тех пор, как этими помещениями в последний раз пользовались – или хотя бы входили в них.

– Ты по-прежнему веришь в Крэга? – спросил Маскалл. – Признаюсь, моя вера в него почти испарилась. Все это крайне напоминает один большой розыгрыш. Крэг в жизни здесь не бывал.

– Сперва поднимись наверх, – ответил Найтспор.

Наверху обнаружили библиотека и три спальни. Все окна оказались плотно закрыты, и дышать было нечем. В постелях спали, очевидно, давно, да так их и не заправили. Ском-

канное, выцветшее постельное белье сохранило отпечатки тел. Без сомнения, отпечатки эти были древними, поскольку простыни и одеяла успела покрыть всевозможная летучая грязь.

– Кто мог здесь спать, как ты думаешь? – спросил Маскалл.

– Персонал обсерватории?

– Скорее путники, вроде нас с тобой. Которые внезапно покинули это место.

Задерживая дыхание, Маскалл широко распахнул окна во всех комнатах, куда заходил. Две спальни смотрели на море; третья и библиотека – на поднимающуюся вверх вересковую пустошь. Библиотека осталась единственным помещением, куда они еще не заглянули, и Маскалл решил счесть все случившееся колоссальным обманом, если только там не обнаружатся следы недавнего человеческого присутствия.

Но библиотека, как и прочие комнаты, была затхлой и пыльной. Распахнув окно, Маскалл тяжело рухнул в кресло и с отвращением посмотрел на друга.

– А теперь что ты думаешь о Крэге?

Найтспор присел на край стола возле окна.

– Он мог оставить для нас послание.

– Какое послание? Зачем? Ты имеешь в виду, в этой комнате? Я не вижу никаких посланий.

Взгляд Найтспора блуждал по комнате и наконец остановился на буфете со стеклянными дверцами, пустом, если не

считать нескольких старых бутылок на одной из полок. Маскалл посмотрел на друга, потом на буфет. Молча встал и отправился изучать бутылки.

Их было четыре, одна крупнее прочих. Высота меньших бутылок составляла около восьми дюймов. Все имели форму торпеды, но с плоским дном, чтобы ставить вертикально. Две поменьше были открыты и пусты, в других была бесцветная жидкость, и они были заткнуты странными на вид, похожими на форсунки пробками, соединявшимися тонким металлическим прутом с запором в середине бутылки. На бутылках имелись этикетки, но они пожелтели от старости, и надписи почти невозможно было разобрать. Маскалл перенес полные бутылки на стол у окна, где было больше света. Найтспор подвинулся, освобождая ему место.

На более крупной бутылке Маскалл смог прочесть слова «Отраженные солнечные лучи», а на другой, после некоторых сомнений, – «Отраженные арктурианские лучи».

Подняв глаза, он с любопытством посмотрел на друга.

– Ты уже бывал здесь, Найтспор?

– Я предположил, что Крэг оставит послание.

– Даже не знаю. Может, это и послание, но оно ничего не значит для нас – во всяком случае, для меня. Что такое «отраженные лучи»?

– Свет, который возвращается к своему источнику, – пробормотал Найтспор.

– И что это за свет?

Кажется, Найтспор не хотел отвечать, но под пристальным взглядом Маскалла произнес:

– Свет не только толкает, но и тянет, иначе как цветы смогли бы поворачивать головки вслед за солнцем?

– Понятия не имею. Но вопрос в том, зачем нужны эти бутылки?

Пока он говорил, держа ладонь на меньшей бутылке, другая бутылка, лежавшая на боку, случайно покатилась, и металл коснулся стола. Маскалл протянул было руку, чтобы остановить ее, но бутылка внезапно исчезла. Не упала с края столешницы, а действительно исчезла – ее нигде не было.

Маскалл уставился на стол. Минуту спустя вскинул брови и с улыбкой повернулся к Найтспору.

– Послание становится сложноватым.

У Найтспора был скучающий вид.

– Клапан открылся. Содержимое вылетело сквозь открытое окно по направлению к солнцу, унеся с собой бутылку. Однако бутылка сгорит в земной атмосфере, а содержимое рассеется и не достигнет солнца.

Маскалл внимательно слушал, его улыбка померкла.

– Что мешает нам провести эксперимент с другой бутылкой?

– Верни ее в буфет, – сказал Найтспор. – Арктур еще не взошел, и ты только уничтожишь дом.

Маскалл остался стоять у окна, задумчиво созерцая залитые солнцем болота.

– Крэг обращается со мной как с ребенком, – наконец произнес он. – И, возможно, я и есть ребенок... Мой цинизм должен чрезвычайно забавлять Крэга. Но почему он заставляет меня выяснять все это самостоятельно? Ты не в счет, Найтспор... Когда Крэг появится?

– Едва ли до темноты, – ответил его друг.

Глава 4

Голос

Минуло три часа пополудни. Испытывая голод, ведь они ничего не ели с раннего утра, Маскалл отправился вниз на разведку, не особенно надеясь отыскать что-то съедобное. В кухонном шкафу он обнаружил мешок плесневелой овсяной муки, прикосаться к которой не следовало, немного приемлемого чая в жестянке и закрытую банку с бычьим языком. Более того, в буфете в столовой нашлась початая бутылка первоклассного шотландского виски. Маскалл тут же занялся приготовлением скудного обеда.

Повозившись с колонкой во дворе, он в конце концов получил чистую воду, после чего вымыл и наполнил древний чайник. На дрова пошел один из кухонных стульев, разделанный колунуом. Легкое, пропыленное дерево отлично горело в очаге, чайник вскипел, чашки были найдены и вымыты. Десять минут спустя друзья обедали в библиотеке.

Найтспор почти ничего не ел и не пил, однако Маскалл не жаловался на аппетит. Отсутствие молока он компенсировал виски, смешав почти черный чай со спиртным в равных пропорциях. Это зелье Маскалл пил чашку за чашкой — и продолжил пить, когда с языком было покончено.

Найтспор одарил его странным взглядом.

– Ты собираешься прикончить бутылку до прихода Крэга?

– Крэг откажется, а мне нужно чем-то себя занять. Я тревожусь.

– Давай осмотрим местность.

Чашка замерла на полпути к губам Маскалла.

– Ты имеешь в виду что-то конкретное, Найтспор?

– Давай прогуляемся к Провалу Сорги.

– Что это?

– Достопримечательность, – ответил Найтспор, кусая губу.

Осушив чашку, Маскалл поднялся.

– Прогулка всегда предпочтительней пьянства, особенно в такой день... Далеко это?

– Три или четыре мили в один конец.

– Очевидно, ты что-то задумал, – сказал Маскалл, – поскольку я начинаю видеть в тебе второго Крэга. Но это и к лучшему. Я становлюсь нервным и нуждаюсь в событиях.

Они покинули дом через дверь, которую оставили открытой, вновь оказались на тянувшейся сквозь пустоши дороге, по которой пришли из Хэйллера, и зашагали по ней дальше, минуя башню.

Когда они проходили мимо, Маскалл оглядел строение с озадаченным интересом.

– Что это за башня, Найтспор?

– Мы отбываем с платформы на ее вершине.

– Сегодня вечером? – Маскалл кинул на друга быстрый

взгляд.

– Да.

Маскалл улыбнулся, но его глаза остались серьезными.

– Значит, перед нами врата Арктура, и Крэг в эту минуту направляется на север, дабы отпереть их.

– Полагаю, ты уже не считаешь это невозможным, – про-
бормотал Найтспор.

Через пару миль дорога отошла от берега и резко свернула в холмы. С Найтспором в роли проводника путники покинули ее и зашагали по траве. Едва заметная овечья тропка тянулась вдоль обрыва, однако еще через милю исчезла. Дальше мужчинам пришлось взбираться на склоны и преодолевать глубокие овраги. Солнце скрылось за холмами, незаметно подкрались сумерки. Вскоре они достигли точки, откуда дальнейший путь казался невозможным. Горный выступ круто спускался к самому краю скалы, образуя непреодолимый склон, покрытый скользкой травой. Маскалл остановился, поглаживая бороду и гадая, что дальше.

– Здесь придется немного попотеть, – сказал Найтспор. – Мы оба привыкли к восхождениям, и ничего сложного тут нет.

Он показал на узкий выступ, тянувшийся над обрывом на несколько ярдов ниже того места, где они стояли. Его ширина составляла от пятнадцати до тридцати дюймов. Не дожидаясь согласия Маскалла, Найтспор спустился на уступ и быстро зашагал по нему. Видя, что ничего другого не остается,

ся, Маскалл последовал за другом. Длинной уступ был не более четверти мили, однако путь заставлял понервничать: за отвесным обрывом, в четырехстах футах внизу, билось море. Кое-где приходилось пробираться боком. Звук прибоя напоминал низкий, угрожающий рев.

Свернув за угол, выступ расширился до скалистой платформы приличных размеров, а затем внезапно кончился. Узкий залив отделял его от скал на той стороне.

– Поскольку дальше не пройти, – заметил Маскалл, – надо полагать, это и есть твой Провал Сорги?

– Да, – ответил его друг, сперва опустившись на колени, а потом вытянувшись во весь рост, лицом вниз. Свесив голову и плечи за край скалы, он взгляделся в воду.

– Чего там интересного, Найтспор?

Не получив ответа, он последовал примеру Найтспора и через минуту уже смотрел вниз. Ничего не было видно; сгустился мрак, и море было почти неразличимо. Однако, тщательно вглядываясь в темноту, Маскалл услышал звук, напоминавший барабанный бой на узкой прибрежной полосе внизу. Он был очень тихим, но отчетливым. Размером четыре четверти, с небольшим акцентом на третьем такте. Маскалл слышал звук все время, что лежал на скале. Барабанный бой не тонул в намного более громком шуме прибоя, а словно доносился из другого мира...

Когда они вновь поднялись на ноги, Маскалл спросил Найтспора:

– Мы явились сюда лишь для того, чтобы услышать это?
Найтспор одарил его одним из своих странных взглядов.

– Местные называют это «Барабанной дробью Сорги».
Этого имени ты больше не услышишь, но, возможно, услышишь звук.

– И что, в таком случае, он будет означать? – изумленно спросил Маскалл.

– В нем заключается послание. Просто прислушайся...
Темнеет, нам пора возвращаться.

Маскалл машинально достал часы и посмотрел на них.
Шел седьмой час... Однако он думал о словах Найтспора, а не о времени.

К тому времени как они вернулись к башне, сгустилась ночь. В черном небе мерцали переменчивые звезды. Арктур сиял низко над морем, прямо напротив путников, на востоке. Проходя подножие башни, Маскалл потрясенно увидел, что дверь открыта. Он крепко схватил Найтспора за руку.

– Смотри! Крэг явился.

– Да, нам следует поспешить в дом.

– А почему не в башню? Вероятно, он здесь, раз дверь открыта. Пойду взгляну.

Найтспор хмыкнул, но не стал возражать.

За дверью царила непроглядная тьма. Маскалл чиркнул спичкой, и мерцающий огонек озарил нижние ступени каменной винтовой лестницы.

– Ты идешь? – спросил он.

– Нет, я подожду здесь.

Маскалл начал подъем. Однако не успел он преодолеть и полудюжины ступеней, как вынужден был остановиться, запыхавшись. Он словно тащил с собой не одного Маскалла, а трех. Ощущение колоссального груза не исчезало, а становилось все невыносимей. Казалось, Маскалл физически не может идти дальше: легким не хватало кислорода, сердце стучало, словно корабельный двигатель. Пот катился по лицу. На двадцатой ступеньке первый виток лестницы кончился, и Маскалл очутился перед первым окном в высокой нише.

Осознав, что дальше подняться не сможет, Маскалл зажег еще одну спичку и забрался в нишу, желая хотя бы обзреть окрестности с башни. Огонек погас, Маскалл посмотрел через окно на звезды – и, к своему удивлению, понял, что это не окно, а линза... Небо оказалось не безграничным космосом с множеством звезд, а размытой темнотой, сосредоточенной вокруг двух близких, очень ярких звезд, размерами напоминавших маленькие луны; рядом с ними виднелось не столь крупное планетное тело, яркое, как Венера, с различным диском. Одна из звезд пылала белым светом, другая была странного, жутковато-синего оттенка. Их свет, по интенсивности почти достигавший солнечного, не проникал в башню.

Маскалл сразу понял, что система сфер перед ним и есть то, что в современной астрономии называют звездой Арктур... Он уже видел ее прежде, через лупу Крэга, но тогда масштаб был меньше, и цвета звезд-близнецов не представав-

ли перед зрителем столь отчетливо... Цвета эти показались ему великолепными, словно, взглянув на них земными глазами, он не смог различить их по-настоящему... Но дольше и пристальней всего он смотрел на Торманс. Ему обещали, что он ступит на эту загадочную и ужасную планету в бесчисленных миллионах миль отсюда, пусть даже и ценой своей жизни. Странные создания, которых ему предстояло увидеть и коснуться, уже обитали там в это самое мгновение.

Тихий, вздыхающий шепот прозвучал у Маскалла над ухом, не далее чем в ярде от него:

– Неужели ты не понимаешь, Маскалл, что ты – всего лишь инструмент, который используют и уничтожат? Найтспор сейчас спит, но когда проснется, ты должен будешь умереть. Ты отправишься, а он вернется.

Маскалл дрожащими пальцами зажег очередную спичку. Рядом никого не было, царил гробовая тишина. Голос умолк. Подождав несколько минут, Маскалл спустился вниз. Стоило ему оказаться снаружи, как ощущение веса исчезло, но он все равно задыхался, а его сердце колотилось, словно у человека, поднявшего слишком тяжелую ношу.

К нему приблизился темный силуэт Найтспора.

– Крэг был там?

– Если и был, я его не видел. Но слышал чей-то голос.

– Крэга?

– Нет, не Крэга. Однако голос предостерег меня насчет тебя.

– Да, эти голоса ты тоже услышишь, – загадочно произнес Найтспор.

Глава 5

Ночь отбытия

Когда они вернулись к дому, окна по-прежнему были темны, а дверь – распахнута; судя по всему, Крэга здесь не было. Маскалл обошел здание, зажигая спички в каждой комнате. К концу осмотра он готов был поклясться, что человек, которого они ждали, сюда вообще не заглядывал. На ощупь пробравшись в библиотеку, они уселись в крошечной темноте, поскольку больше делать было нечего. Маскалл раскурил трубку и взялся за остатки виски. Сквозь распахнутое окно до них доносился шум прибоя у подножия скал, похожий на гул поезда.

– Очевидно, Крэг все-таки в башне, – нарушил тишину Маскалл.

– Да, готовится.

– Надеюсь, он не думает, будто мы к нему присоединимся. Это оказалось выше моих сил – бог знает почему. Похоже, ступени обладают неким магнитным притяжением.

– Это сила тяжести Торманса, – пробормотал Найтспор.

– Я тебя понимаю – точнее, не понимаю, но это не имеет значения.

Маскалл продолжил курить в тишине, время от времени прихлебывая неразбавленный виски.

– Кто такой Суртур? – внезапно спросил он.

– Мы – любители и растяпы, а он – знаток своего дела.

Маскалл обдумал эти слова.

– Надо полагать, ты прав, поскольку, хоть я ничего о нем не знаю, само его имя вызывает у меня отклик... Ты лично с ним знаком?

– Должно быть... я забыл... – ответил Найтспор сдавленным голосом.

Маскалл изумленно поднял глаза, но ничего не смог различить во мраке комнаты.

– Ты знаешь столько выдающихся людей, что забываешь их?.. Может, ответишь на такой вопрос? Мы встретимся с ним там, куда направляемся?

– Ты встретишься со смертью, Маскалл... И не задавай мне больше вопросов – я не могу на них ответить.

– В таком случае продолжим дожидаться Крэга, – холодно ответил Маскалл.

Десять минут спустя хлопнула входная дверь, на лестнице раздали легкие, быстрые шаги. Маскалл поднялся с колотящимся сердцем.

На пороге возник Крэг с тусклым фонарем в руке. Он был в шляпе и выглядел сурово и зловеще. Изучив друзей, он вошел в комнату и поставил фонарь на стол. Свет едва достигал стен.

– Итак, ты здесь, Маскалл.

– Похоже на то, но не стану благодарить тебя за гостепри-

имство, столь явно отсутствующее.

Крэг не обратил внимания на его слова.

– Ты готов к отправлению?

– Разумеется, по первой команде. Здесь не слишком весело.

Крэг придирчиво оглядел его.

– Я слышал, как ты ковылял по башне. Похоже, не смог подняться.

– Очевидно, это будет помехой, ведь Найтспор утверждает, что мы отбываем с ее вершины.

– Однако от прочих сомнений ты избавился?

– До такой степени, Крэг, что теперь мой разум полностью открыт. С удовольствием взгляну, на что ты способен.

– Больше ничего и не требуется... Но вернемся к башне. Тебе известно, что, пока ты не сможешь взобраться на вершину, не сможешь вынести и силу притяжения Торманса?

– В таком случае повторяю, что это неудобная помеха, поскольку я определенно не могу туда взобраться.

Порывшись в карманах, Крэг достал складной нож.

– Сними куртку и закатай рукав рубашки, – велел он.

– Ты собираешься сделать надрез этим?

– Да, и не создавай трудностей, потому что результат очевиден, но заранее ты его не поймешь.

– Однако порез карманным ножом... – со смехом начал Маскалл.

– Это срывается, Маскалл, – вмешался Найтспор.

– Тогда обнажи-ка руку и ты, вселенский аристократ, – сказал Крэг. – Посмотрим, из чего состоит твоя кровь.

Найтспор подчинился.

Крэг раскрыл большое лезвие ножа и небрежно, почти жестоко полоснул по плечу Маскалла. Рана оказалась глубокой, из нее хлынула кровь.

– Перевязать? – спросил Маскалл, морщась от боли.

Крэг плюнул на порез.

– Опустит рукав, больше кровоточить не будет.

И он занялся Найтспором, который перенес операцию с мрачным равнодушием. Затем Крэг швырнул нож на пол.

Ужасная боль распространилась от пореза по всему телу Маскалла, и он уже было решил, что потеряет сознание, однако почти сразу боль стихла, и осталась только неприятная пульсация в раненой руке, достаточно сильная, чтобы причинять неудобство.

– С этим покончено, – сказал Крэг. – Теперь можете следовать за мной.

Он взял фонарь и направился к двери. Остальные поспешили за ним, чтобы воспользоваться светом; мгновение спустя их шаги прогремели по голым ступеням, отдаваясь эхом в покинутом доме. Дождавшись, пока все выйдут, Крэг захлопнул парадную дверь с такой силой, что содрогнулись окна.

Пока они быстро шагали к башне, Маскалл схватил Крэга за руку.

– На лестнице я слышал голос.

– Что он сказал?

– Что отправлюсь я, а вернется Найтспор.

Крэг улыбнулся.

– Путешествие приобретает скандальный оттенок, – заметил он после паузы. – Очевидно, имеются недоброжелатели... Итак, ты хочешь вернуться?

– Я не знаю, чего хочу. Но подумал, что следует об этом упомянуть.

– Слышать голоса не так уж плохо, – сказал Крэг. – Но не воображай, будто мир ночи исторгает одну лишь мудрость.

Когда они подошли к открытой двери башни, он сразу поставил ногу на нижнюю ступень винтовой лестницы и проворно взбежал по ней, унося фонарь. Маскалл последовал за ним с определенным трепетом, памятуя свой прежний болезненный опыт на этой лестнице, однако после первой полудюжины ступеней обнаружил, что по-прежнему дышит свободно, и его страх сменился облегчением и удивлением. Он едва не защебетал, словно девчонка.

Крэг миновал нижнее окно, не останавливаясь, но Маскалл залез в нишу, чтобы вновь лицезреть дивную арктуррианскую группу. Однако линза утратила свои волшебные свойства и превратилась в обычное стекло, за которым виделось ничем не примечательное небо.

Он продолжил подъем и у второго и третьего окна снова поднялся, чтобы выглянуть наружу, но снова увидел привыч-

ную картину. Тогда он сдался и больше не смотрел в окна.

Тем временем Крэг и Найтспор с фонарем ушли вперед, и Маскаллу пришлось подниматься в темноте. Приблизившись к вершине, он увидел желтое сияние за полуприкрытой дверью. Его спутники стояли в маленькой комнате, отделенной от лестницы неровными досками; комната была обставлена грубой мебелью и не содержала ничего астрономического. Фонарь был на столе.

Войдя, Маскалл с любопытством огляделся.

– Мы на вершине?

– Если не считать платформы над нашими головами, – ответил Крэг.

– Почему нижнее окно не увеличивает, как прежде сегодня вечером?

– О, ты упустил свой шанс, – ответил Крэг, ухмыляясь. – Закончи ты тогда подъем, перед тобой предстали бы потрясающие картины. Например, через пятое окно ты увидел бы Торманс как рельефный континент, а через шестое – как ландшафт... Но теперь в этом нет нужды.

– Почему? И какое отношение к этому имеет нужда?

– Все изменила твоя рана, друг мой. По той же причине, по которой ты смог подняться по лестнице, теперь тебе нет необходимости задерживаться, чтобы поглазеть на иллюзии.

– Очень хорошо, – сказал Маскалл, не вполне понимая, что он имеет в виду. – Но это убежище Суртура?

– Он провел здесь некоторое время.

– Я бы хотел, чтобы ты, Крэг, описал мне эту загадочную личность. Возможно, другого шанса не представится.

– Все сказанное мной об окнах также касается и Суртура. Ни к чему тратить время, воображая его, когда ты вот-вот увидишь оригинал.

– В таком случае приступим. – Маскалл утомленно прикрыл глаза и помассировал глазные яблоки.

– Нам раздеться? – спросил Найтспор.

– Разумеется, – ответил Крэг и начал медленно, неуклюже снимать одежду.

– Зачем? – поинтересовался Маскалл, однако последовал примеру других.

Крэг стукнул себя в могучую грудь, покрытую густыми волосами, как у обезьяны.

– Кто знает, какова мода на Тормансе? У нас могут вырасти конечности – а могут и не вырасти.

– Ага! – воскликнул Маскалл, прекращая раздеваться.

Крэг хлопнул его по спине.

– А может, новые органы удовольствия, Маскалл. Как тебе это?

Трое мужчин стояли обнаженными, какими их создала природа. Возбуждение Маскалла росло по мере приближения момента отбытия.

– Выпьем на посошок за успех! – воскликнул Крэг, хватая бутылку и отламывая ее горлышко пальцами. Стаканов не было, и он разлил янтарное вино по треснувшим чашкам.

Увидев, что другие пьют, Маскалл осушил свою посудину. Он словно проглотил жидкое электричество... Крэг упал на спину и принялся кататься по полу, дрыгая ногами в воздухе. Он попытался уронить на себя Маскалла, и последовала возня. Найтспор не принимал в ней участия, а расхаживал взад-вперед, точно голодное животное по клетке.

Внезапно снаружи донесся протяжный, одинокий, пронзительный вопль, какой могла бы издать банши. Вопль резко оборвался, и воцарилась тишина.

– Что это? – спросил Маскалл, раздраженно выпутываясь из хватки Крэга.

Крэг затрясся от хохота.

– Шотландский дух, пытающийся подражать волынке своей земной жизни. В честь нашего отбытия.

Найтспор повернулся к Крэгу.

– Маскалл проспит путешествие?

– Как и ты, если пожелаешь, мой альтруистичный друг. Я пилот, а вы, пассажиры, можете развлекать себя чем захотите.

– Мы наконец отбываем? – спросил Маскалл.

– Да, ты вот-вот перейдешь свой Рубикон, Маскалл. И что за Рубикон!.. Ты знаешь, что свету нужно около сотни лет, чтобы дойти с Арктура сюда? А нам потребуется всего девятнадцать часов.

– Значит, ты утверждаешь, что Суртур уже там?

– Суртур там, где он есть. Он великий путешественник.

– Я его увижу?

Крэг подошел к Маскаллу и посмотрел ему в глаза.

– Не забудь, что ты пожелал этого и просил об этом. Немногие на Тормансе будут знать о нем больше тебя, но твоя память станет твоим злейшим врагом.

Он подошел к короткой железной лестнице, что вела через люк на плоскую крышу. Когда они поднялись, Крэг включил маленький электрический фонарик.

Маскалл с благоговением увидел хрустальную торпеду, которой предстояло пронести их сквозь весь видимый космос. Ее длина составляла сорок футов, ширина и высота – восемь; спереди располагался резервуар с арктурианскими отраженными лучами, сзади – кабина. Нос торпеды смотрел в небо, на юго-восток. Машина стояла на плоской платформе, приподнятой на четыре фута над уровнем крыши, чтобы ничто не мешало взлету.

Крэг осветил фонариком дверцу кабины, чтобы они могли войти. Прежде чем сделать это, Маскалл вновь угрюмо посмотрел на далекую огромную звезду, которой предстояло стать их солнцем. Нахмурился, поежился и уселся рядом с Найтспором. Крэг пролез мимо них, забрался в кресло пилота и выкинул фонарик через открытую дверь, которая затем была плотно закрыта, заперта и задраена.

Крэг потянул пусковой рычаг. Торпеда мягко соскользнула с платформы и неторопливо поплыла от башни в сторону моря. Движение убыстрялось, заметно, хоть и не чрезмерно.

но, пока они не достигли пределов земной атмосферы. Затем Крэг открыл ускорительный клапан, и торпеда устремилась вперед со скоростью, приближавшейся к скорости мысли, а не света.

У Маскалла не было возможности изучить небесные панорамы, мелькавшие за хрустальными стенами. На него навалилась тяжелая дремота. Он дюжину раз с усилием разлепил глаза, но на тринадцатой попытке сдался и крепко уснул.

Утомленное, жадное выражение не покидало лица Найтс-пора. Небесные перемены, судя по всему, не представляли для него ни малейшего интереса.

Крэг сидел, положив руку на рычаг, свирепо глядя на фосфоресцирующие карты и датчики.

Глава 6

Джойуинд

Стояла глухая ночь, когда Маскалл пробудился от глубокого сна. Дул ветер, легкий, но похожий на стену; он никогда не ощущал ничего подобного на Земле. Он лежал и не мог поднять свое тело, ставшее невероятно тяжелым. Леденящая боль, которую он не мог соотнести ни с одной частью своего тела, выступала фоновой, сопутствующей нотой всем прочим ощущениям. Она непрерывно терзала Маскалла; иногда он злился и раздражался, иногда забывал о ней.

У него на лбу было что-то твердое. Подняв руку, он нащупал мясистый нарост размером с небольшую сливу; в центре нароста была впадина, дна которой он не смог достать. Он также обнаружил две большие шишки по обеим сторонам шеи, на дюйм ниже уха.

На теле в районе сердца выросло щупальце, длиной с руку, но тонкое, как бечевка, мягкое и гибкое.

Как только он полностью осознал смысл этих новых органов, его сердце заколотилось. Какими бы ни были их функции, они означали одно: он в новом мире.

Участок небосвода начал светлеть. Маскалл позвал своих спутников, но ответа не получил. Это его испугало. Он продолжил кричать через неравные промежутки времени,

встревоженный и тишиной, и звуком собственного голоса. В конце концов, так и не услышав отклика, он счел разумным не производить слишком много шума и теперь тихо лежал, хладнокровно дожидаясь развития событий.

Вскоре он различил вокруг себя смутные тени, но это не были его друзья.

Бледная, молочная дымка над землей пришла на смену черноте ночи, когда в небесах заиграли розовые оттенки. На Земле это называли бы рассветом. На протяжении долгого времени почти неуловимо становилось все светлее.

Маскалл обнаружил, что лежит на песке. Песок был алым. Смутные тени, которые он различил прежде, оказались кустами с черными ветками и пурпурными листьями. Вот и все, что он разглядел.

День набирал силу. Для прямых солнечных лучей свет был слишком размытым, но вскоре стал ярче полуденного земного солнца. Жара тоже нарастала, однако Маскалл был ей рад – она облегчила боль и ослабила ощущение сокрушительной тяжести. С восходом ветер стих.

Маскалл попробовал подняться на ноги, но сумел только встать на колени. Видимость была ограничена. Туман рассеялся лишь отчасти, и удавалось различить только узкий круг алого песка да десяток-другой кустов.

Он почувствовал прохладное, мягкое прикосновение к затылку. Испуганно дернулся и рухнул на песок. Быстро оглянувшись, с изумлением увидел стоявшую рядом женщину.

На ней было струящееся бледно-зеленое одеяние, задрапированное в классическом стиле. По земным меркам ее нельзя было назвать красивой: несмотря на человеческое лицо, она была одарена – или поражена – дополнительными уродующими органами, которые обнаружил у себя Маскалл. У нее тоже имелось сердечное щупальце. Но когда он сел, и их взгляды встретились, Маскалл будто заглянул к ней в душу, которая была обителью любви, тепла, доброты, нежности и близости. Благородное сияние глаз женщины было таким родным, что ему показалось, словно он знает ее. Тогда он осознал всю ее красоту. Она была высокой и стройной. Ее движения были грациозными, как музыка. Кожа была не мертвого, мутного цвета, как у земных красавиц, но переливчатой; ее оттенок постоянно менялся, с каждой мыслью и эмоцией, однако все эти тона не были яркими – все они были утонченными, приглушенными и поэтичными. У нее были очень длинные льняные волосы, заплетенные в свободную косу. Новые органы, как только Маскалл привык к ним, придали ее лицу нечто изумительное и уникальное. Он не мог сказать точно, но оно будто стало более нежным и одухотворенным. Органы эти не умаляли красоты ее глаз или ангельской чистоты черт, однако добавляли более глубокую ноту, которая не позволяла счесть женщину изнеженной.

Ее взгляд был таким дружеским и открытым, что Маскалл почти не испытывал унижения, сидя у ее ног голым и беззащитным. Она догадалась о его затруднении и отдала ему

одеяние, которое несла перекинутым через руку. Оно походило на ее собственное платье, только было более темного, мужественного цвета.

– Как ты думаешь, сможешь сам это надеть?

Маскалл определенно услышал эти слова, но не ее голос.

Он с трудом поднялся, и она помогла ему справиться с драпировкой.

– Бедняга! Как ты страдаешь! – произнесла она на том же неслышном языке. На этот раз Маскалл обнаружил, что смысл ее слов достигает мозга через орган на лбу.

– Где я? Это Торманс? – спросил он, пошатнувшись.

Она подхватила его и помогла сесть.

– Да. Ты среди друзей.

Женщина посмотрела на него с улыбкой и заговорила вслух по-английски. Ее голос, такой свежий, взволнованный и девичий, почему-то напомнил Маскаллу апрельский день.

– Теперь я могу понимать твой язык. Поначалу он казался странным. В будущем я буду говорить с тобой при помощи рта.

– Потрясающе! Что это за орган? – спросил Маскалл, коснувшись лба.

– Он называется «бреве». Посредством него мы читаем мысли друг друга. Но речь лучше, ведь она также позволяет прочесть и сердце.

Он улыбнулся.

– Говорят, речь дана нам затем, чтобы обманывать других.

– Мыслью тоже можно обмануть. Но я думаю о лучшем, не о худшем.

– Ты видела моих друзей?

Прежде чем ответить, она молча изучила его.

– Разве ты прибыл не один?

– Я прибыл в машине с двумя другими людьми. Должно быть, по прибытии я лишился сознания и с тех пор их не встречал.

– Это очень странно! Нет, я их не видела. Их здесь нет, иначе мы бы знали... Мы с моим мужем...

– Как зовут тебя и твоего мужа?

– Я Джойуинд, а мой муж – Панаве. Мы живем очень далеко отсюда. Но прошлой ночью мы оба поняли, что ты лежишь здесь без чувств. Мы едва не поссорились насчет того, кому из нас следует прийти к тебе, но в конце концов я победила. – Она рассмеялась. – Победила потому, что я крепче сердцем, а он чище восприятием.

– Спасибо, Джойуинд, – просто ответил Маскалл.

Волна быстро сменяющихся цветов пробежала под ее кожей.

– О, зачем ты так говоришь? Что может быть приятней любящей доброты? Я была счастлива, получив возможность... Но теперь мы должны обменяться кровью.

– Как это? – озадаченно спросил он.

– Иначе не получится. Твоя кровь слишком густа и тяжела для нашего мира. Ты не сможешь подняться, пока тебе не

перельют мою кровь.

Маскалл покраснел.

– Я чувствую себя полным невеждой... А это тебе не повредит?

– Если твоя кровь причиняет тебе боль, полагаю, она причинит боль и мне. Но мы разделим эту боль.

– Это новый для меня вид гостеприимства, – пробормотал он.

– А разве ты не сделал бы для меня то же самое? – спросила Джойуинд с шутливым волнением.

– Я ничего не могу предположить о своих поступках в этом мире. Я едва знаю, где нахожусь... Но, конечно, сделал бы, Джойуинд.

Пока они беседовали, окончательно рассвело. Туман поднялся с земли, дымка сохранилась только в верхних слоях атмосферы. Вокруг, насколько хватало взгляда, тянулась пустыня алого песка. Лишь с одной стороны было что-то вроде небольшого оазиса – низкие холмы, от подножия до вершины поросшие редкими пурпурными деревцами. До них было около четверти мили.

Джойуинд принесла с собой маленький кремневый нож. Она совершенно спокойно сделала аккуратный глубокий надрез на своем плече. Маскалл принялся возражать.

– О, это пустяки, – со смехом ответила она. – И если жертва не является жертвой, какой в ней смысл? Давай руку.

Кровь текла по ее руке – не красная, а молочная, опалес-

цирующая жидкость.

– Только не эту! – сказал Маскалл, поморщившись. – Ее уже резали.

Он протянул другую руку, хлынула кровь.

Джойуинд нежно и умело соединила две раны и долго держала свою руку плотно прижатой к руке Маскалла. Он почувствовал, как через порез в тело вливается поток наслаждения. Прежние легкость и живость начали возвращаться к нему. Пять минут спустя между ним и Джойуинд началась дуэль доброты: он хотел остановиться, а она – продолжать. Наконец он одержал верх, но недостаточно быстро: Джойуинд побледнела и поникла.

Она взглянула на него серьезнее, чем прежде, словно странные глубины открылись ее глазам.

– Как тебя зовут?

– Маскалл.

– Откуда ты родом, Маскалл, с такой ужасной кровью?

– Из мира, который называется Земля... Очевидно, моя кровь не годится для твоего мира, Джойуинд, но этого следовало ожидать. Мне жаль, что я не остановил тебя.

– О, не говори так! Это было необходимо. Мы все должны помогать друг другу. И все же, прости меня, но я чувствую себя оскверненной.

– И неудивительно, ведь для девушки опасно принимать в свои жилы кровь чужака с чужой планеты. Если бы не моя слабость и испытанный шок, я никогда бы этого не допустил.

– Но я бы настояла. Ведь все мы братья и сестры. Почему ты явился сюда, Маскалл?

Он ощутил некоторое смущение.

– Сочтешь ли ты это глупым, если я отвечу, что сам не знаю? Я прилетел с теми двумя людьми. Быть может, причина в любопытстве или любви к приключениям.

– Быть может, – откликнулась Джойуинд. – Интересно... Очевидно, твои друзья – страшные люди. Зачем они прилетели?

– Это мне известно. Они прилетели вслед за Суртуром.

На ее лице отразилась тревога.

– Я не понимаю. По крайней мере один из них должен быть плохим человеком, однако если он следует за Суртуром – или Формирующим, как его здесь называют, – то не может быть по-настоящему плохим.

– Что ты знаешь о Суртуре? – удивленно спросил Маскалл.

Джойуинд помолчала, изучая его лицо. Мозг Маскалла беспокойно шевельнулся, словно его ощупывали извне.

– Понимаю... и не понимаю, – наконец произнесла она. – Это очень сложно. Твой Бог – ужасное Существо, бестелесное, враждебное, невидимое. Здесь мы такому Богу не поклоняемся. Скажи, хоть один человек когда-нибудь видел твоего Бога?

– Что это значит, Джойуинд? К чему обсуждать Бога?

– Я хочу знать.

– В древние времена, когда Земля была юной и величественной, вроде бы жили несколько святых людей, которые бедовали с Богом, но эти дни давно миновали.

– Наш мир еще юн, – сказала Джойуинд. – Формирующий ходит среди нас и говорит с нами. Он настоящий и энергичный, друг и любовник. Формирующий создал нас – и он любит свои создания.

– Ты с ним встречалась? – спросил Маскалл, едва веря своим ушам.

– Нет, я еще не совершила такого поступка, чтобы заслужить эту честь. Быть может, однажды мне выпадет шанс пожертвовать собой – и наградой станет встреча и беседа с Формирующим.

– Я определенно попал в другой мир. Но почему ты говоришь, что Формирующий и Суртур – одно лицо?

– Потому что так и есть. Мы, женщины, зовем его Формирующим, как и большинство мужчин, но некоторые зовут его Суртур.

Маскалл задумчиво прикусил ноготь.

– Ты когда-нибудь слышала про Кристалмена?

– Это тоже Формирующий. Понимаешь, у него много имен, что свидетельствует о том, как сильно он занимает наши мысли. Кристалмен – любовное имя.

– Странно, – заметил Маскалл. – Я прилетел сюда с совсем иным представлением о Кристалмене.

Джойуинд потрянула волосами.

– В той рощице – его пустынное святилище. Давай помолимся там, а потом отправимся в Пулингдред. Это мой дом. Путь до него неблизкий, а мы должны попасть туда до Блосомбра.

– И что такое этот Блосомбр?

– На протяжении четырех часов в середине дня лучи Бранчспелла такие жаркие, что никто не может их вынести. Мы называем это Блосомбром.

– Бранчспелл – это другое название Арктура?

Джойуинд отбросила серьезность и рассмеялась.

– Само собой, мы берем свои названия не у вас, Маскалл. Они не слишком поэтичны, зато естественны.

Она ласково взяла его за руку и повела к лесистым холмам. Пока они шли, солнце пробилось сквозь верхние слои тумана, и ужасный, опаляющий жар, словно из печи, обрушился на голову Маскалла. Он инстинктивно поднял глаза – и тут же опустил, успев заметить лишь раскаленный, искрящийся белый шар в три раза больше Солнца. На несколько минут Маскалл почти ослеп.

– Боже мой! – воскликнул он. – Если это раннее утро, очевидно, ты права насчет Блосомбра. – Немного оправившись, он спросил: – Сколько здесь длится день, Джойуинд? – И вновь ощутил, как его мозг ошупывают.

– В это время года на каждый час вашего летнего светлого времени приходится два наших часа.

– Жар невероятен – и все же он не так тревожит меня, как

я мог бы ожидать.

– В этом нет ничего необычного. Тому есть простое объяснение. В тебе присутствует доля моей крови, а во мне – твоей.

– Да, всякий раз, когда я это осознаю, мне... Скажи, Джойуинд, изменится ли моя кровь, если я пробуду здесь достаточно долго? Перестанет ли быть красной и густой и превратится ли в чистую, жидкую и светлую, как твоя?

– Почему нет? Если ты будешь жить так, как живем мы, то, конечно же, станешь таким, как мы.

– Ты имеешь в виду пищу и питье?

– Мы не едим пищу и пьем только воду.

– А за счет чего же вы живете?

– У нас добрая вода, Маскалл, – с улыбкой ответила Джойуинд.

Как только к нему вернулась способность видеть, он принялся разглядывать местность. Безбрежная алая пустыня тянулась к горизонту по всем направлениям, если не считать оазиса. Над ней раскинулось безоблачное темно-синее – почти фиолетовое – небо. Его купол был намного шире, чем на Земле. На горизонте, милях в сорока, под прямым углом к их нынешнему маршруту, высилась горная цепь. Самая высокая гора имела форму чаши. Маскалл поверил бы, что путешествует по стране снов, если бы не яркий свет, придававший всему живую реальность.

Джойуинд показала на гору в форме чаши:

– Это Пулингдред.

– Ты не могла прийти оттуда! – изумленно воскликнул он.

– Почему же, могла. И туда нам предстоит отправиться сейчас.

– С единственной целью отыскать меня?

– Ну, конечно.

Кровь прилила к его лицу.

– В таком случае ты отважнейшая и благороднейшая из всех девушек, – тихо произнес он, помедлив. – Без исключения. Это путешествие для атлета!

Она сжала ему руку, череда неопишуемых нежных оттенков быстро пробежала по ее щекам.

– Прошу, не нужно больше об этом, Маскалл. Я чувствую себя неловко.

– Хорошо. Но сможем ли мы добраться туда до полудня?

– О да. И расстояние не должно тебя пугать. Здесь мы не думаем о больших расстояниях – у нас есть множество других вещей для размышлений и чувств. Время летит слишком быстро.

За разговором они приблизились к подножию пологих холмов, высота которых не превышала пятидесяти футов. Маскалл начал замечать странных представителей местной флоры. Нечто, напоминавшее небольшой участок пурпурной травы площадью около пяти квадратных футов, двигалось по песку в их сторону. Когда оно приблизилось, Маскалл увидел, что это не трава – у нее не было листьев, толь-

ко пурпурные корни. Корни каждого маленького растения вращались, подобно спицам колеса без обода. Они по очереди погружались в песок и вылезали обратно, благодаря чему растение двигалось вперед. Какой-то необъяснимый полуразумный инстинкт заставлял все растения держаться вместе и перемещаться с одной скоростью в одном направлении, словно стая перелетных птиц.

Еще одно примечательное растение представляло собой крупный пушистый шар, напоминавший головку одуванчика. Он плыл по воздуху. Невероятно изящным движением руки Джойуинд поймала его и показала Маскаллу. У растения были корни; предположительно, оно обитало в воздухе и поглощало химические вещества из атмосферы. Однако самым удивительным оказался его цвет. Он был совершенно новым – не оттенком или комбинацией цветов, а новым основным цветом, ярким, как синий, красный или желтый, но совершенно иным. Когда Маскалл спросил Джойуинд, та ответила, что этот цвет называется «алфайер». Вскоре он увидел второй новый цвет, который она назвала «джейл». Чувственные ощущения, которые вызвали у Маскалла эти два дополнительных основных цвета, можно лишь отчасти выразить при помощи аналогии. Так же, как синий кажется мягким и таинственным, желтый – четким и броским, красный – оптимистичным и страстным, алфайер показался Маскаллу диким и болезненным, а джейл – мифическим, лихорадочным и сладострастным.

Холмы были из плодородной темной земли. Маленькие деревца странных форм, все разные, но все пурпурного цвета, покрывали склоны и вершины. Маскалл и Джойуинд углубились в холмы. Какие-то твердые плоды ярко-голубого цвета, размером с крупное яблоко и в форме яйца, в изобилии лежали под деревьями.

– Почему вы их не едите? Они ядовиты? – спросил Маскалл.

Джойуинд спокойно посмотрела на него.

– Мы не едим живых существ. Сама мысль об этом кажется нам чудовищной.

– В теории я с этим согласен. Но неужели вы действительно питаетесь водой?

– А если бы тебе больше нечем было питаться, Маскалл, ты бы стал есть других людей?

– Нет.

– Вот и мы не будем есть растения и животных, ведь они наши собратья. А значит, нам остается только вода, и поскольку питаться можно чем угодно, вода отлично для этого подходит.

Маскалл подобрал один из плодов и с любопытством ощупал. При этом в работу включился еще один из его новых органов чувств. Он обнаружил, что мясистые выросты под ушами неким загадочным образом сообщают ему внутренние свойства плода. Маскалл не только видел, ощущал и обонял плод, но также мог узнать его сущность. Сущность эта

была твердой, стойкой и меланхоличной.

Джойуинд ответила на его невысказанные вопросы:

– Эти органы называются «пойгны». Их предназначение – позволять нам понимать всех живых существ и сопереживать им.

– В чем польза этого, Джойуинд?

– Польза в том, чтобы не быть жестокими и эгоистичными, дорогой Маскалл.

Он бросил плод и вновь покраснел.

Джойуинд без смущения взгляделась в его смуглое бородатое лицо и медленно улыбнулась.

– Я сказала лишнее? Вела себя слишком фамильярно? Знаешь, почему ты так думаешь? Потому что ты по-прежнему нечист. Постепенно ты научишься внимать всем языкам без стыда.

Прежде чем он успел понять, что она собирается сделать, Джойуинд обхватила его шею своим щупальцем, как рукой. Маскалл не стал сопротивляться его прохладной тяжести. Прикосновение ее мягкой плоти к его собственной было влажным и чувственным, словно разновидность поцелуя. Он видел, что его обнимает прекрасная бледная девушка. Но, как ни странно, не ощущал ни вожделения, ни сексуальных амбиций. Любовь, выраженная этой лаской, была глубокой, сияющей и личной, однако в ней не было ни тени секса – и такой он принял ее.

Она убрала щупальце, положила руки ему на плечи и впи-

лась глазами прямо в его душу.

– Да, я хочу стать чистым, – прошептал он. – Иначе кем я буду, как не слабым, пресмыкающимся демоном?

Джойуинд отпустила его.

– Мы называем это «магн», – сказала она, показывая на щупальце. – С его помощью мы любим сильнее то, что уже любим, и начинаем любить то, чего не любим.

– Божественный орган!

– Его мы бережем с особым тщанием, – заметила Джойуинд.

Тень деревьев предоставила своевременную защиту от уже почти невыносимых лучей Бранчспелла, неуклонно взбиравшегося к зениту. Спускаясь по дальнему склону невысоких холмов, Маскалл тревожно высматривал следы Найтспора и Крэга, но тщетно. После нескольких минут поисков он пожал плечами; однако в его душе зародились подозрения.

У их ног лежал маленький естественный амфитеатр, полностью окруженный лесистыми возвышенностями. Его середина была из красного песка. В самом центре высилось величественное дерево с черным стволом и ветвями и прозрачными хрустальными листьями. У подножия дерева был круглый природный водоем с темно-зеленой водой.

Они спустились, и Джойуинд повела Маскалла напрямиком к водоему.

Маскалл внимательно оглядел его.

– Это и есть святилище, о котором ты говорила?

– Да. Оно называется Источник Формирующего. Женщина или мужчина, желающий помолиться Формирующему, должен набрать воды нол и выпить ее.

– Помолись за меня, – попросил Маскалл. – Твоя незапятнанная молитва будет обладать большей силой.

– Чего ты желаешь?

– Чистоты, – взволнованно ответил Маскалл.

Джойуинд сложила руку чашечкой и выпила немного воды. Затем поднесла ладонь к губам Маскалла.

– Ты тоже должен выпить.

Он подчинился. Она выпрямилась, закрыла глаза и принялась молиться вслух голосом, напоминавшим мягкое журчание ручейка:

– Формирующий, отец мой, надеюсь, ты слышишь меня. К нам пришел незнакомец, отягощенный густой кровью. Он жаждет очищения. Позволь ему познать смысл любви, позволь жить ради других. Не лишай его боли, дорогой Формирующий, но дай отыскать собственную боль. Вдохни в него благородную душу.

Маскалл слушал со слезами в сердце.

Когда Джойуинд умолкла, туманное облачко набежало ему на глаза, и он увидел большой круг ослепительно-белых колонн, наполовину погребенных в алом песке. Несколько минут они мерцали, то сгущаясь, то расплываясь, словно фокусируясь, затем снова померкли и исчезли.

– Это был знак от Формирующего? – спросил Маскалл тихими, благоговейным голосом.

– Возможно. Это временной мираж.

– Что это такое, Джойуинд?

– Понимаешь, дорогой Маскалл, святилища пока не существует, но оно будет существовать, поскольку должно. То, что мы с тобой сейчас делаем без затей, мудрецы будут делать впоследствии с глубоким пониманием.

– Человеку пристало молиться, – сказал Маскалл. – Добро и зло в мире зарождаются не из пустоты. Бог и дьявол должны существовать. И нам следует молиться одному и сражаться с другим.

– Да, мы должны сражаться с Крэгом.

– Какое имя ты назвала? – изумленно переспросил Маскалл.

– Крэга, создателя горя и зла, которого ты зовешь дьяволом.

Он мгновенно скрыл свои мысли. Опустошил разум, чтобы Джойуинд не узнала о его связи с этим существом.

– Почему ты прячешь свое сознание от меня? – спросила она, одаривая его странным взглядом и меняя цвет.

– В этом ярком, чистом, сияющем мире зло кажется столь далеким, что человек с трудом может постичь его сущность. – Но он солгал.

Джойуинд по-прежнему внимательно смотрела на него из глубин своей чистой души.

– Мир добр и чист, но многие люди испорчены. Панаве, мой супруг, много путешествовал и рассказывал мне вещи, которых я предпочла бы не слышать. Однажды он встретил человека, считавшего всю Вселенную, сверху донизу, пещерой чародея.

– Я бы хотел познакомиться с твоим супругом.

– Что ж, теперь мы отправимся домой.

Маскалл хотел было спросить, есть ли у нее дети, но сдержался, побоявшись обидеть спутницу.

Она прочла вопрос в его мыслях.

– Зачем? Ведь мир полон очаровательных детей. К чему мне эгоистичное обладание?

Мимо пролетело удивительное существо, издавшее жалобный клич из пяти отчетливых нот. Оно не было птицей, а обладало телом в форме воздушного шара, которое перемещало, загребая пятью перепончатыми ногами. Существо скрылось среди деревьев.

Джойуинд показала на него.

– Мне нравится это создание вопреки его гротескности – а может, благодаря ей. Но будь у меня собственные дети, любила бы я его? Что лучше: любить двоих или троих – или любить всех?

– Не все женщины похожи на тебя, Джойуинд, но хорошо, что некоторые похожи. И неплохо бы, раз уж нам придется шагать по раскаленной солнцем пустыне, соорудить тюрбаны для наших голов из этих длинных листьев.

Она трогательно улыбнулась.

– Ты сочтешь меня глупой, но каждый сорванный лист нанесет рану моему сердцу. Придется нам прикрыться нашими одеждами.

– Вне всяких сомнений, это послужит той же цели, но скажи мне, разве эти одежды не были когда-то частью живого существа?

– О нет, они сделаны из паутины одного животного, но сами никогда не были живыми.

– Ты низводишь жизнь до крайней простоты, – задумчиво произнес Маскалл, – но она очень красива.

Снова поднявшись на холмы, они без дальнейших церемоний начали поход через пустыню.

Они шагали бок о бок. Джойуинд вела их прямо к Пулингдреду. По положению солнца Маскалл решил, что их путь лежит на север. Песок был мягким и рассыпчатым, и босые ноги Маскалла очень уставали. Красное сияние туманило и слепило глаза. Ему было жарко, он обгорел, и его мучила жажда; смутная боль расцвела в полную силу.

– Я нигде не вижу моих друзей, и это очень странно.

– Да, странно, если это случайность, – ответила Джойуинд с необычной интонацией.

– Именно! – согласился Маскалл. – Если произошел несчастный случай, их тела были бы тут. Мне это начинает напоминать скверную шутку. Должно быть, они ушли и бросили меня... Что ж, я здесь, и не следует падать духом. Я

больше не стану о них тревожиться.

– Не хочу ни о ком говорить дурно, – заметила Джойуинд, – но интуиция подсказывает мне, что лучше держаться подальше от этих людей. Они явились сюда не ради тебя, а ради собственной выгоды.

Они долго шли. Маскалл начал испытывать дурноту. Джойуинд любовно обхватила своим магном его за пояс, и мощный поток уверенности и довольства мгновенно хлынул по венам Маскалла.

– Спасибо, Джойуинд! Но не ослабляю ли я тебя?

– Ослабляешь, – сказала она, кинув на него быстрый возбужденный взгляд, – но не сильно. И это делает меня очень счастливой.

Вскоре они повстречали фантастическое маленькое существо размером с новорожденного ягненка, вальсировавшее на трех ногах. Чудовище по очереди перемещало вперед каждую ногу и передвигалось, совершая полные обороты. Оно было ярким, словно его окунули в банки с голубой и желтой краской. Когда путники проходили мимо, существо посмотрело на них крошечными блестящими глазками.

Джойуинд с улыбкой кивнула ему.

– Это мой личный друг, Маскалл. Я встречаю его всякий раз, когда прохожу здесь. Он вечно кружится и всегда торопится, но, судя по всему, никуда не может добраться.

– Думаю, жизнь здесь настолько самодостаточная, что никому нет нужды добираться куда-либо. Чего я не понимаю,

так это как вам удается коротать дни без скуки.

– Что за странное слово. Оно означает жажду развлечения, верно?

– В некотором смысле, – ответил Маскалл.

– Очевидно, это болезнь от избыточной пищи.

– Но неужели вам никогда не бывает скучно?

– С чего бы? Наша кровь быстра, легка и свободна, наша плоть чиста и не загрязнена как снаружи, так и внутри... Надеюсь, вскоре ты поймешь, что за вопрос задал.

Дальше они столкнулись со странным явлением. В сердце пустыни с прохладным, приятным шипением бил вверх пятидесятифутовый фонтан. Однако в отличие от прочих фонтанов его вода не падала обратно на землю, а в высшей точке поглощалась атмосферой. В действительности это была изящная высокая колонна темно-зеленой жидкости с капителью из вьющихся, перекручивающихся паров.

Когда они приблизились, Маскалл увидел, что эта водяная колонна была продолжением и концом текшего со стороны гор ручья. Очевидно, объяснение этого феномена заключалось в том, что в данном месте вода ощущала химическое сродство с атмосферой и покидала землю.

– Давай напьемся, – сказала Джойуинд.

Она без смущения растянулась на песке лицом вниз у ручья, и Маскалл вскоре последовал ее примеру. Джойуинд позволила себе утолить жажду, лишь увидев, что он пьет. Вода показалась Маскаллу тяжелой, однако насыщенной га-

зом. Он жадно напился. Его нёбо испытало новое ощущение: чистота и безупречность воды мешались с возбуждающим действием игристого вина, которое поднимало дух, однако это опьянение усиливало лучшие качества его натуры, а не худшие.

– Мы называем это водой нол, – сказала Джойуинд. – Как можно видеть по цвету, она не совсем чистая. В Пулингдредде она кристально прозрачная. Но жаловаться – значит проявлять неблагодарность. Выпив ее, ты заметишь, что мы намного лучше ладим.

Словно в первый раз, Маскалл начал осознавать, где находится. Все его органы чувств принялись открывать ему красоты и чудеса, о которых он прежде и не догадывался. Однообразный пылающий алый цвет песков раздробился на четко различимые оттенки красного. Сходным образом небо разделилось на оттенки синего. Маскалл обнаружил, что сияющий жар Бранчспелла с разной силой воздействует на разные части его тела. Его уши пробудились: атмосфера наполнилась шепотами, пески гудели, даже солнечные лучи обладали звуком, напоминавшим тихую музыку эоловой арфы. Загадочные легкие ароматы достигли его ноздрей. Нёбо лелеяло воспоминания о воде нол. Прежде неосязаемые воздушные потоки щекотали и гладили поры его кожи. Его пойгны энергично исследовали внутреннюю природу всех предметов поблизости. Его магн коснулся Джойуинд и ощутил исходящий от нее поток любви и радости. И наконец при помощи своего

береге он молча обменялся с ней мыслями. Эта могучая чувственная симфония потрясла Маскалла до глубины души, и тем бесконечным утром он больше не испытывал слабости.

Время близилось к Блудсомбру, когда они очутились на поросшем осокой берегу темно-зеленого озера, что лежало под Пулингдредом.

Панаве сидел на темном камне и ждал их.

Глава 7

Панаве

Муж поднялся, чтобы поприветствовать свою жену и гостя. Панаве был одет в белое. У него было безбородое лицо с бреве и пойгнами. Кожа на его лице и теле была такой белой, свежей и мягкой, что напоминала некую новую разновидность чистой, снежной плоти, одевавшей кости. Она не имела ничего общего с искусственно отбеленной кожей современных женщин. Ее белизна и нежность не вызывали похотливых мыслей; очевидно, это было проявление холодного, почти жестокого целомудрия природы. Волосы Панаве, падавшие на затылок, тоже были белыми, но от силы, не от немощи. Его глаза были черными, спокойными и бездонными. Он был еще молод, однако его черты были столь суровыми, что, вопреки их красоте и соразмерности, он походил на законодателя.

На мгновение магн Панаве переплелся с магном Джойуинд, и Маскалл увидел, как его лицо смягчилось от любви, а ее – расцвело ликованием. Она мягко подтолкнула Маскалла в объятия супруга и отстранилась, с улыбкой наблюдая. Маскалл испытывал неловкость от мужских объятий, но не сопротивлялся; чувство прохладной, приятной апатии охватило его.

– Значит, у чужака красная кровь?

Маскалла поразило, что Панаве говорит по-английски. Его голос тоже был удивительным, абсолютно безмятежным, однако безмятежность эта странным образом казалась иллюзией, результатом мыслей и чувств столь стремительных, что их движения не удавалось заметить. Как такое возможно, Маскалл не знал.

– Почему ты говоришь на языке, которого никогда прежде не слышал? – спросил он.

– Мысль – богатая, сложная субстанция. Не могу сказать, я ли инстинктивно говорю на твоём языке – или ты сам переводишь мои мысли на свой язык, стоит мне их сформулировать.

– Сам видишь, Панаве мудрее меня, – весело заметила Джойуинд.

– Как тебя зовут? – спросил её супруг.

– Маскалл.

– У этого имени должно быть значение, но, повторю, мысль – субстанция сложная. Это имя связано с чем-то – но с чем?

– Попробуй догадаться, – сказала Джойуинд.

– Существовал ли в твоём мире человек, похитивший что-то у Творца Вселенной, чтобы возвысить себе подобных?

– У нас есть такой миф. Его героя звали Прометей.

– Что ж, в моём сознании ты ассоциируешься с этим поступком, но что это значит, Маскалл, я сказать не могу.

– Считай это добрым знаком, ведь Панаве никогда не лжет и никогда не говорит, не подумав.

– Должно быть, это недоразумение. Подобные вершины мне недоступны, – тихо, но задумчиво произнес Маскалл.

– Откуда ты?

– С планеты далекого солнца. Она называется Земля.

– Зачем ты здесь?

– Я устал от вульгарности, – лаконично ответил Маскалл, намеренно умолчав о своих спутниках, чтобы не упоминать имени Крэга.

– Это благородный мотив, – сказал Панаве. – Более того, он может быть истинным, пусть ты и использовал его, чтобы уйти от ответа.

– До известной степени он вполне истинен, – сообщил Маскалл, с раздраженным изумлением глядя на Панаве.

От того места, где они стояли, заболоченное озеро тянулось на полмили к отрогам горы. Здесь и там на мелководе росли пушистые пурпурные камыши. Вода была темно-зеленой. Маскалл не понимал, как они собираются ее пересечь.

Джойуинд взяла его за руку.

– Возможно, ты не знаешь, что озеро нас удержит?

Панаве зашагал по воде; она была такой тяжелой, что выдерживала его вес. Джойуинд с Маскаллом последовали за ним. Маскалл сразу поскользнулся, однако движение было приятным, и он так быстро научился подражать Панаве, что вскоре смог сохранять равновесие без посторонней помощи

и считал эту забаву прекрасной.

По той же причине, по которой женщины лучше танцуют, полупадения и подъемы Джойуинд были намного изящней и уверенней, чем движения мужчин. Ее задрапированный стройный силуэт нырял, склонялся, выпрямлялся, покачивался, изгибался над поверхностью темной воды – Маскалл не мог отвести глаз от этого зрелища.

Озеро стало глубже. Вода нол приобрела черно-зеленый цвет. Теперь можно было подробно разглядеть скалы, вымоины и обрывы на берегу. Водопад обрушивался в озеро с высоты нескольких сотен футов. Вода пошла рябью, и Маскалл с трудом удерживал равновесие, а потому лег и поплыл. Джойуинд обернулась и весело рассмеялась, сверкнув зубами на солнце.

Несколько минут спустя они выбрались на черный скалистый мыс. Вода на одежде и теле Маскалла очень быстро испарилась. Он посмотрел вверх, на величественную гору, но в этот момент его внимание привлекли странные движения Панаве. Лицо мужчины судорожно исказилось, он начал спотыкаться. Затем поднес руку ко рту и извлек оттуда что-то вроде яркого камешка. Несколько секунд внимательно изучал его. Джойуинд тоже смотрела через плечо мужа, быстро меняя цвет. Наконец Панаве уронил предмет – чем бы он ни был – на землю и словно забыл про него.

– Можно взглянуть? – спросил Маскалл и, не дожидаясь разрешения, поднял предмет. Это был изящный, прекрас-

ный бледно-зеленый кристалл в форме яйца.

– Откуда он взялся? – с подозрением спросил Маскалл.

Панаве отвернулся, но Джойуинд ответила за него:

– Из моего супруга.

– Я так и подумал, но засомневался. Что это такое?

– Не знаю, есть ли у него название или предназначение.

Это просто избыток красоты.

– Красоты?

Джойуинд улыбнулась.

– Если бы ты счел природу мужем, а Панаве – женой, возможно, это бы все объяснило.

Маскалл задумался.

– На Земле, – произнес он минуту спустя, – людей вроде Панаве называют художниками, поэтами и музыкантами. Красота переполняет их и выходит наружу. Различие лишь в том, что их творения более мирские и понятные.

– От этого нет проку, лишь одно тщеславие, – произнес Панаве и, забрав кристалл из руки Маскалла, швырнул его в озеро.

Им предстояло вскарабкаться на скалу высотой несколько сотен футов. Маскалл больше тревожился за Джойуинд, чем за себя. Она явно устала, но не захотела принять помощь и действительно оказалась более ловкой и проворной, чем он. Джойуинд скорчила Маскаллу насмешливую гримасу. Панаве погрузился в тихую задумчивость. Камень был крепким и не крошился под их весом. Однако жар Бранчспелла стал по-

что невыносимым, его белое сияние ослепляло, и боль Маскалла неуклонно набирала силу.

Поднявшись на вершину, они оказались на плато из темного камня, лишенном растительности, протянувшемся в обе стороны настолько далеко, насколько хватало глаз. Его ширина почти не менялась и составляла пять сотен ярдов от обрыва до нижних склонов цепи холмов различной высоты. Чашеобразный Пулингдред находился примерно в тысяче футов над ними. Верхнюю его часть покрывала блестящая растительность, какая именно – Маскалл понять не мог.

Джойуинд положила руку ему на плечо и показала вверх.
– Это высочайший пик во всей стране – разумеется, не считая Ифдоун Марест.

При звуках этого странного названия он испытал мгновенное, необъяснимое чувство бешеной силы и нетерпения, однако оно быстро прошло.

Не теряя времени даром, Панаве повел их вверх по склону, чья нижняя половина представляла собой голую скалу, по которой было нетрудно вскарабкаться. Однако дальше склон становился круче, и начинались кусты и низкие деревца. По мере подъема растительность густела, а возле вершины уже росли высокие лесные деревья.

Эти кусты и деревья обладали бледными стеклянными стволами и ветвями, а мелкие веточки и листья были полупрозрачными и хрустальными. Они не затеняли, но все же под их сенью было прохладно. Листья и ветви имели фанта-

стические очертания. Однако больше всего Маскалла поразило то, что, насколько он видел, здесь едва ли нашлись бы два растения одного вида.

– Ты не разрешишь проблему Маскалла? – спросила Джойуинд, беря мужа за руку.

Тот улыбнулся.

– Если он простит мне очередное вторжение в его сознание. Однако проблема невелика. Жизнь на новой планете, Маскалл, всегда энергична и хаотична, а не спокойна и подражательна. Природа еще текуча, не косна, а материя – пластична. Воля непрерывно ветвится и мутирует, и потому все создания различаются.

– Что ж, это я понимаю, – ответил Маскалл, внимательно выслушав Панаве. – Однако мне не ясно другое: если живые существа здесь столь активно мутируют, почему здешние люди так похожи на людей из моего мира?

– Это я тоже объясню, – сказал Панаве. – Все создания, напоминающие Формирующего, не могут не напоминать друг друга.

– Значит, мутагенез равносителен слепому желанию уподобиться Формирующему?

– Именно так.

– Это потрясающе, – заметил Маскалл. – Получается, братство всех людей – не миф, придуманный идеалистами, а устоявшийся факт.

Джойуинд посмотрела на него и сменила цвет. Панаве

снова посуровел.

Маскалла заинтересовал новый феномен. Цветы хрустального куста, окрашенные в джейл, испускали ментальные волны, которые он четко улавливал своим бревне. Они молчаливо призывали: «Ко мне! Ко мне!» У него на глазах летающий червь направился к одному из цветков и начал сосать нектар. Цветочный призыв тут же стих.

Путники достигли вершины и посмотрели вниз. Похожую на кратер полость горы занимало озеро. Полоса деревьев частично закрывала вид, однако Маскалл смог понять, что это горное озеро шириной около четверти мили имеет почти круглую форму. Его берег лежал в ста футах под ними.

Заметив, что хозяева не предложили спуститься, он попросил подождать его и направился к озеру. Вода была совершенно спокойной и прозрачной. Маскалл прошел по ней, лег ничком и всмотрелся в глубины. Все было удивительно четким; он мог видеть необозримые дали, лишённые дна. Какие-то темные, тенистые силуэты двигались внизу на границе его зрения. Потом звук, очень слабый и таинственный, словно поднялся сквозь воду нол из невероятных глубин. Он напоминал барабанную дробь в четыре четверти, с акцентом на третьем такте. Звук продолжался некоторое время, затем стих.

Он будто принадлежал к миру, отличному от того, по которому странствовал Маскалл. Последний был загадочным, фантастическим и невероятным; барабанный бой же похо-

дил на очень тихий тон реальности. Он напоминал тиканье часов в заполненной голосами комнате, которое удается слышать лишь изредка.

Маскалл вернулся к Панаве и Джойуинд, но ничего не сказал им о своем переживании. Они обошли кратер по краю и посмотрели вниз с другой стороны. Здесь утесы, схожие с теми, что выходили к пустыне, граничили с огромной пустошью, которую не удавалось охватить взглядом. Это была твердая почва, однако Маскалл не мог различить ее основного цвета. Пустошь словно состояла из прозрачного стекла, которое не блестело на солнце. На ней нельзя было разглядеть ни одного предмета, за исключением далекой извилистой реки и еще более далекой линии темных гор со странными силуэтами на горизонте. Вместо того чтобы быть округлыми, коническими или волнистыми, они по воле природы напоминали замковые зубчатые стены с очень глубокими прорезями. Небо сразу за горами было яркого, насыщенного синего цвета, который чудесным образом контрастировал с синевой остального небосвода. Цвет этот казался более живым и сияющим и напоминал последние отсветы роскошного синего заката.

Маскалл не отрывал от него взгляда. Чем дольше он смотрел, тем беспокойней и возвышенней становились его чувства.

– Что это за свет?

Панаве был суровой обычного, его жена крепко держала

мужа за руку.

– Это Элппейн, наше второе солнце, – ответил он. – Те горы – Ифдоун Марест... А теперь давайте отправимся в укрытие.

– Мне кажется или этот свет действует на меня... мучает меня?

– Нет, не кажется. И как иначе, ведь два солнца различной природы притягивают тебя одновременно. К счастью, ты смотришь не на сам Элппейн. Его отсюда не видно. Чтобы лицезреть его, нужно добраться хотя бы до Ифдоун.

– Почему «к счастью»?

– Потому что ты можешь не вынести агонии этих двух противостоящих сил... Но я точно не знаю.

Короткое расстояние, оставшееся до конца пути, Маскалл преодолел в тревожной задумчивости. Он ничего не понимал. Любой предмет, на который падал его взгляд, тут же становился загадкой. Тишина и неподвижность горной вершины казались созерцательными, таинственными и выжидающими. Панаве с дружеской озабоченностью посмотрел на Маскалла и сразу свернул на тропинку, которая шла по склону горы и кончалась возле устья пещеры.

Эта пещера была домом Панаве и Джойуинд. Внутри царил темнота. Хозяин взял раковину, наполнил ее водой из источника и небрежно оросил песчаный пол. Зеленоватое фосфоресцирующее свечение постепенно охватило пещеру и не гасло, пока они в ней находились. Мебели не было. Су-

хие листья, похожие на папоротник, служили ложами.

Стоило Джойуинд войти внутрь, как она рухнула от изнеможения. Супруг ухаживал за ней со спокойной озабоченностью. Он умыл ее, напоил, придал энергии при помощи своего магна и наконец уложил ее спать. Глядя на эту благородную женщину, страдавшую по его вине, Маскалл огорчился.

Однако Панаве попытался его утешить.

– Это действительно было очень долгое, трудное путешествие туда и обратно, однако оно облегчит все те путешествия, что ей предстоит совершить в будущем... Такова природа самопожертвования.

– Не могу понять, как мне удалось пройти такое расстояние за одно утро, – сказал Маскалл. – А ведь она прошла вдвое больше.

– В ее венах течет не кровь, а любовь, и потому она столь сильна.

– Ты знаешь, что она поделилась ею со мной?

– В противном случае ты не смог бы даже стронуться с места.

– Я никогда этого не забуду.

Вялый пульс дня за стенами пещеры, ее яркое устье и прохладное нутро с бледно-зеленым свечением навевали на Маскалла сонливость. Однако любопытство взяло верх над усталостью.

– Ей помешает наш разговор?

– Нет.

– Но как себя чувствуешь ты?

– Я мало сплю. В любом случае важнее, чтобы ты узнал о своей новой жизни. Она вовсе не столь гармонична и невинна. Чтобы справиться, тебе следует знать об опасностях.

– Я так и предполагал. Но как мы поступим? Я буду задавать вопросы – или ты расскажешь мне то, что считаешь наиболее существенным?

Панаве жестом пригласил Маскалла сесть на ворох папоротника и устроился сам, опершись на одну руку и вытянув ноги.

– Я расскажу некоторые случаи из моей жизни. На их примере ты начнешь понимать, куда попал.

– Буду признателен, – ответил Маскалл, приготовившись слушать.

Помолчав секунду-другую, Панаве начал свой рассказ спокойным, мерным, но прочувствованным голосом.

История Панаве

Мое самое раннее воспоминание – о том, как отец с матерью отвели меня в возрасте трех лет (это соответствует пятнадцати вашим годам, но мы развиваемся медленнее) на встречу с Брудвиолом, мудрейшим человеком в Тормансе. Он обитал в лесу Уомбфлэш. Мы три дня шли по лесу, а по ночам спали. По пути деревья становились все выше, пока их макушки не скрылись из виду. Стволы были темно-красными, а листья – цвета бледного алфайера. Отец то и дело оставался для размышлений. Если бы его не трогали, он

бы провел полдня в глубокой задумчивости. Мать была уроженкой Пулингдредра и обладала иным характером. Она была красивой, щедрой и прелестной – а также деятельной. Она все время его подгоняла. Это приводило к многочисленным спорам между ними, из-за которых я страдал. На четвертый день мы прошли через ту часть леса, что граничит с Тонущим морем. В этом море много карманов с водой, которая не держит человеческий вес, а поскольку эти легкие участки ничем не отличаются от остальных, пересекать его опасно. Мой отец показал на темный силуэт на горизонте и сказал мне, что это остров Суэйлоуна. Мужчины время от времени отправляются туда, но никогда не возвращаются. Вечером того же дня мы обнаружили Брудвиола, который стоял в глубокой топкой яме, со всех сторон окруженной трехсотфутовыми деревьями. Это был шишковатый, грубый, морщинистый здоровяк. Тогда его возраст составлял сто двадцать наших лет, или почти шестьсот ваших. Его тело было трехсторонним: три ноги, три руки и шесть глаз, расположенных через равные промежутки по окружности головы. Это придавало ему крайне внимательный и прозорливый вид. Он находился в чем-то вроде транса. Впоследствии я слышал его слова: «Лежать значит спать, сидеть значит видеть сны, стоять значит думать». Отец поддался его влиянию и тоже впал в транс, но мать быстро растормошила обоих. Брудвиол свирепо посмотрел на нее и спросил, что ей нужно. Тогда я сам впервые узнал цель нашего путешествия. Я был чудом – то

есть бесполом. Родителей это тревожило, и они хотели поговорить с мудрейшим из людей.

Лицо старого Брудвиола разгладилось, и он произнес:

– Возможно, это не так уж трудно. Я объясню природу чуда. Каждый мужчина и каждая женщина среди нас – живой убийца. Мужчина расправился с женщиной, родившейся в одном с ним теле, женщина – с мужчиной. Однако в этом ребенке борьба продолжается.

– Как нам положить ей конец?

– Пусть дитя направит свою волю на поле битвы и выберет тот пол, который пожелает.

– Конечно же, ты захочешь быть мальчиком? – настойчиво спросила моя мать.

– Тогда я убью твою дочь, а это будет преступление.

Что-то в моем голосе заинтересовало Брудвиола.

– Эти слова не эгоистичны, но великодушны. Значит, их произнес мужчина, и тревожиться больше не о чем. Прежде чем вы доберетесь домой, дитя станет мальчиком.

Отец скрылся за деревьями. Мать низко склонилась перед Брудвиолом и простояла так минут десять, а он все это время ласково смотрел на нее.

Я слышал, что вскоре после этого Элппейн стал ежедневно озарять ту землю на несколько часов. Брудвиол затосковал и умер.

Его пророчество сбылось: не успели мы добраться до дома, как я познал смысл стыда. Но впоследствии я часто раз-

мышлял о его словах, пытаюсь постичь собственную природу, и пришел к выводу, что, даже будучи мудрейшим из людей, в данном случае он ошибся. Между мной и моей сестрой-близнецом, заключенными в одном теле, никогда не было вражды; инстинктивное почтение к жизни удерживало нас от борьбы за существование. Она обладала более сильным характером и пожертвовала собой – пусть и неосознанно – ради меня.

Осознав это, я дал обет никогда не употреблять в пищу и не уничтожать что-либо, в чем теплится жизнь, и сдержал его.

Когда я был еще юным, мой отец умер. Мать скончалась следом за ним, и я ненавидел воспоминания, связанные с родными местами, а потому решил отправиться на родину матери, где, как она часто говорила мне, природа была священной и нетронутой.

Одним жарким утром я оказался возле Дороги Формирующего. Ее так называют потому, что когда-то Формирующий прошел по ней, либо потому, что она обладает большим значением. Это естественная насыпь длиной двадцать миль, которая соединяет горы, граничащие с моей родиной, и Ифдоун Марест. Внизу лежит долина, на глубине от восьми до десяти тысяч футов, с ужасными обрывами по обеим сторонам. Ширина насыпи в большинстве мест не превышает фута. Она идет с севера на юг. Долина по правую руку от меня была погружена в тень, по левую – сверкала росой на солнце.

Я опасливо преодолел несколько миль по этому ненадежному пути. Далеко на востоке долину замыкало высокое плато, соединявшее две горных цепи и по высоте превосходившее самые величественные пики. Оно называется плато Сэнт. Я никогда там не был, но слышал два любопытных факта касательно его обитателей. Во-первых, у них нет женщин; во-вторых, они заядлые путешественники, однако никогда не перенимают привычек людей, с которыми живут.

Вскоре у меня закружилась голова, и я лег и долго лежал, вцепившись обеими руками в края тропы и уставившись в землю широко распахнутыми глазами. Когда дурнота прошла, я почувствовал себя другим человеком, самоуверенным и веселым. Где-то на середине пути я заметил далекую фигуру, идущую мне навстречу. Она вновь вселила в мое сердце страх, потому что я не знал, как нам разминуться. Однако я медленно зашагал дальше и, когда мы достаточно сблизились, узнал путника. Это был Слофорк, так называемый чародей. Я никогда прежде его не встречал, но мне были знакомы его черты. Он был цвета яркого гуммигута и обладал очень длинным носом, напоминавшим хобот, который казался полезным органом, но не добавлял своему владельцу красоты в моем понимании. Слофорка прозвали «чародем» за удивительную способность отращивать конечности и органы. Говорили, что однажды вечером он медленно отрезал себе ногу тупым камнем, а потом два дня провел в агонии, отращивая новую. Его не считали особо мудрым, одна-

ко с ним случались периодические вспышки прозорливости и отваги, резко выделявшие его из числа соплеменников.

Мы сели лицом друг к другу, на расстоянии около двух ярдов.

– Кто из нас по кому пройдет? – спросил Слофорк. Он был спокоен, как летний день, но моей юной натуре мерещились скрытые ужасы. Я улыбнулся, однако не пожелал смириться с унижением. И потому мы немало минут просидели в доброжелательном молчании.

– Что сильнее Удовольствия? – внезапно спросил он.

Я был в том возрасте, когда желаешь, чтобы тебя сочли достойным любого вызова, а потому, скрыв изумление, вступил в беседу, словно ради нее мы и встретились.

– Боль, – ответил я, – потому что Боль заглушает Удовольствие.

– Что сильнее Боли?

Я задумался.

– Любовь. Потому что мы готовы разделить боль тех, кого любим.

– Но что сильнее Любви? – не унимался он.

– Ничто, Слофорк.

– А что есть Ничто?

– Это ты мне должен сказать.

– И скажу. Это мир Формирующего. Доброе дитя в этом мире познает удовольствие, боль и любовь – и получает награду. Но есть и другой мир, не принадлежащий Формиру-

ощему, и там ничего этого не знают, там царит другой порядок вещей. Тот мир мы зовем Ничто – однако это не Ничто, но Нечто.

Повисла пауза.

– Я слышал, – сказал я, – что ты умеешь отращивать и убирать органы.

– Этого мне недостаточно. Каждый орган рассказывает одну и ту же историю. Я хочу слышать разные истории.

– Верно ли говорят люди, что твоя мудрость нарастает и убывает, подобно приливу?

– Верно, – ответил Слофорк. – Но те, от кого ты это слышал, не упомянули, что всегда путают прилив с отливом.

– Согласно моему опыту, – нравоучительно произнес я, – мудрость есть страдание.

– Может, и так, молодой человек, но ты никогда этого не испытывал – и не испытываешь. Для тебя мир продолжит носить благородную, кошмарную маску. Ты никогда не поднимешься над мистицизмом... Однако будь счастлив по-своему.

Прежде чем я успел понять, что он делает, Слофорк хладнокровно спрыгнул с тропы в бездну и понесся, набирая скорость, к долине внизу. Взвизгнув, я рухнул на землю и зазмурился.

Я часто гадал, какое из моих глупых, инфантильных замечаний привело его к внезапному решению совершить самоубийство. Что бы это ни было, с тех пор я взял за стро-

гое правило никогда не говорить ради собственного удовольствия, только ради помощи другим.

Наконец я пришел в Марест и четыре дня в страхе бродил по его лабиринтам. Я боялся смерти, но еще больше боялся утратить свое благоговение перед жизнью. Почти выбравшись наружу и уже поздравляя себя, я встретил третью на моем пути выдающуюся личность, мрачного Мьюрмейкера. Это произошло при ужасных обстоятельствах. Пасмурным, грозовым днем я увидел живого человека, висевшего в воздухе без явной опоры. Он висел вертикально перед скалой, зияющая пропасть глубиной тысячу футов лежала у него под ногами. Я подобрался так близко, как только мог, и стал наблюдать. Он заметил меня и криво ухмыльнулся, будто желая обратить свое унижение в шутку. Это зрелище настолько потрясло меня, что я совершенно не мог понять, в чем дело.

– Я Мьюрмейкер! – крикнул он хриплым голосом, резанувшим мой слух. – всю жизнь я поглощал других – теперь поглощают меня. Мы с Ньюклемпом поссорились из-за женщины, и Ньюклемп держит меня здесь. Пока его воля сильна, я буду висеть в воздухе; но как только он устанет – а это произойдет уже скоро, – я рухну в эти глубины.

Будь на его месте другой человек, я бы попытался ему помочь, однако я слишком хорошо знал это чудовище, посвятившее всю свою жизнь тому, чтобы мучить, убивать и поглощать других ради собственного удовольствия. Я поспешил прочь и больше в тот день не останавливался.

В Пулингдредде я встретил Джойуинд. Месяц мы гуляли вместе и беседовали – и поняли, что слишком любим друг друга, чтобы расстаться.

Он умолк.

– Удивительная история, – заметил Маскалл. – Теперь я начинаю понимать. Но кое-что меня изумляет.

– Что именно?

– Как вышло, что здешние люди не знают инструментов и искусств, не обладают цивилизацией – и все же утонченны и мудры?

– Значит, ты считаешь, будто инструменты порождают любовь и мудрость? Но я знаю, в чем причина. У вас в вашем мире меньше органов чувств, и чтобы компенсировать их нехватку, вы прибегаете к помощи камней и металлов. Это не признак превосходства.

– Нет, думаю, нет, – ответил Маскалл. – Но, очевидно, мне придется многому разучиться.

Они поговорили еще некоторое время, а потом уснули. Джойуинд открыла глаза, улыбнулась и снова погрузилась в сон.

Глава 8

Равнина Льюжн

Маскалл проснулся первым. Встал, потянулся и вышел на солнечный свет. Бранчспелл уже клонился к закату. Маскалл поднялся на край кратера и посмотрел в сторону Ифдоун. Послесвечение Элпейна погасло. Остались лишь горы, дикие и величественные.

Они потрясли Маскалла, подобно незамысловатой мелодии, ноты которой далеко разнесены по звукоряду; исходивший от них дух порывистости, отваги и приключений словно взывал к нему. В этот миг в сердце Маскалла вспыхнула решимость дойти до Марест и изведать его опасности.

Он вернулся в пещеру, чтобы попрощаться с хозяевами.

Джойуинд посмотрела на него своими смелыми, честными глазами.

– Это себялюбие, Маскалл? – спросила она. – Или тебя тянет нечто, чему ты не можешь сопротивляться?

– Будем благоразумны, – с улыбкой ответил он. – Прежде чем осесть в Пулингдредде, я должен исследовать вашу удивительную новую планету. Вспомни, какой долгий путь я проделал... Но, скорее всего, я вернусь сюда.

– Ты дашь мне обещание?

Маскалл замешкался.

– Не проси ничего трудного, ведь я сам еще не знаю, на что способен.

– Это нетрудно, и я бы этого желала. Пообещай никогда не поднимать руку на живое создание – чтобы ударить, вырвать или съесть, – прежде не вспомнив его мать, которая выстрадала свое дитя.

– Пожалуй, этого я пообещать не смогу, – медленно произнес Маскалл, – но пообещаю нечто более выполнимое. Я никогда не подниму руку на живое существо, прежде не вспомнив тебя, Джойуинд.

Она слегка побледнела.

– Если бы Панаве знал о существовании Панаве, он мог бы испытать ревность.

Панаве мягко накрыл ее руку своей и сказал:

– Не говори так перед лицом Формирующего.

– Нет. Прости меня! Я не в себе. Быть может, это кровь Маскалла в моих венах... А теперь давай попросимся с ним. И помолимся, чтобы он совершал только благородные деяния, где бы ни находился.

– Я провожу Маскалла, – произнес Панаве.

– В этом нет нужды, – возразил Маскалл. – Путь очевиден.

– Но беседа скрашивает дорогу.

Маскалл повернулся, чтобы уйти.

Джойуинд нежно привлекла его к себе.

– Ты ведь не станешь думать плохо о других женщинах из-за меня?

– Ты – благословенный дух, – ответил он.

Она медленно отошла в дальний конец пещеры и остановилась там в задумчивости. Панаве и Маскалл вышли наружу. На полпути вниз им попался маленький источник с бесцветной, прозрачной, но игристой водой. Утолив жажду, Маскалл сразу почувствовал себя иначе. Все вокруг стало таким реальным в своей яркости и цвете и таким эфемерным в своей призрачной загадочности, что он преодолел остаток спуска, словно пребывая в зимней спячке.

Когда они вышли на равнину, он увидел впереди бескрайний лес высоких деревьев чрезвычайно странной формы. Их листья были прозрачными, и, глядя вверх, Маскалл словно смотрел через стеклянную крышу. Солнечные лучи проникали сквозь них – белые, яростные и пылающие, но лишённые жара. Легко было представить, будто шагаешь по прохладным, ярким эльфийским полянам.

Сквозь лес шла, насколько хватало взгляда, начинавшаяся у их ног дорога, совершенно прямая и не очень широкая.

Маскалл хотел поговорить со своим спутником, но не мог подобрать слова. Панаве посмотрел на него с загадочной улыбкой – суровой, однако в то же время обаятельной и женственной. Потом он нарушил тишину, но, как ни странно, Маскалл не мог понять, говорит он или поет. С губ Панаве слетал медленный напевный речитатив, точь-в-точь напоминавший чарующее адажио низкотонального струнного инструмента, однако была и разница. Вместо повторения и ва-

риаций одной и той же короткой темы, как в музыке, тема Панаве была долгой, она не заканчивалась, а по ритму и мелодии больше напоминала беседу. И в то же время это был не речитатив, поскольку в нем не было декламации. Это был долгий, тихий поток прекрасного чувства.

Маскалл слушал, зачарованный, но возбужденный. Казалось, песня, если ее можно было так назвать, вот-вот станет ясной и различимой – не слова, но сопереживание настроению и чувствам другого человека; и Маскалл ощущал, что будет сказано нечто важное, объясняющее все предыдущие события. Но этот момент постоянно откладывался; он не понимал – и все же понимал.

К вечеру они вышли на поляну, и Панаве оборвал свой напев. Он замедлил шаг и остановился, как человек, желающий дать понять, что не собирается идти дальше.

– Как называется эта страна? – спросил Маскалл.

– Это равнина Льюжн.

– Была ли эта музыка по сути своей соблазном? Ты не хочешь, чтобы я шел дальше?

– Работа ждет тебя впереди, а не за твоей спиной.

– Тогда что это было? Какую работу ты имеешь в виду?

– Эта музыка должна была показаться тебе похожей на что-то, Маскалл.

– Она показалась мне похожей на музыку Формирующего.

Стоило ему рассеянно произнести эти слова, как Маскалл задумался, почему так поступил, ведь теперь он не видел в

них смысла.

Однако Панаве не выказал удивления.

– Формирующего ты найдешь повсюду.

– Это сон или явь?

– Это явь.

Маскалл глубоко задумался. Наконец очнулся и сказал:

– Так тому и быть. Теперь я пойду дальше. Но где мне сегодня ночевать?

– Ты дойдешь до широкой реки. По ней ты сможешь завтра достичь подножия Марест. Однако сегодня тебе лучше переночевать там, где лес встречается с рекой.

– В таком случае прощай, Панаве! Но не хочешь ли ты сказать мне что-то еще?

– Только это, Маскалл: куда бы ты ни пошел, помогай делать мир прекрасным, а не уродливым.

– На это никто из нас не способен. Я простой человек и лишен амбиций по части украшения жизни. Но скажи Джойуинд, что я постараюсь блюсти чистоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.